
ОЛЕГ КУЛАГИН
ЗВЕЗДЫ
В КАРМАНЕ
ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА
«МОСКОВСКИЙ ЛАБИРИНТ»

Олег Кулагин
Звезды в кармане

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=140674
Звезды в кармане: Азбука-классика; Москва; 2006
ISBN 5-352-01710-9

Аннотация

Иногда захватывающая история начинается очень обыденно. Живете вы в заурядном российском городе. Никого не трогаете. По выходным выпиваете с друзьями… В общем, все как у людей. Но однажды ночью вам делают предложение, от которого невозможно отказаться! Всего две штуки баксов – и огромный космос перед вами, как на блюдечке! То есть на «тарелочке»… Отдельные минусы проявляются не сразу. Нынче в Галактике – времена не для слабых. «Миротворческие станции» курсируют между планетами и на корню выжигают ростки «тоталитаризма». Дело демократии непобедимо! «Не верите? Тогда они летят к вам!» Одно хорошо – координаты Земли им пока неизвестны. Но надолго ли хватит такого везения? Огромная Галактика не такая уж большая… Кто остановит непобедимые армады? Судьба тысяч миров в ваших в руках. Более того, судьба вашей родной планеты! Но, может, не все так плохо, как на первый взгляд кажется?..

Содержание

Пролог 4
1. Кое-что задаром 6
Глава 1 6
Глава 2 11
Глава 3 15
Глава 4 24
Глава 5 32
Глава 6 42
Глава 7 47
Глава 8 52
Глава 9 60
Глава 10 68
2. Райское место 73
Глава 1 73
Конец ознакомительного фрагмента. 79

Олег Кулагин
Звезды в кармане
правдивая история

Маасен пет, маасен та,
мака шебсен эр маау.[1]
Древнеегипетская песня

Пролог

Звезды сияли, изредка перемигиваясь в ручейках тепла над спящим городом. Среди зарослей крапивы стояли трое и внимательно всматривались в небо. Хотя, и знали, что смотреть там уже не на что.

– А может, мы погорячились? – нарушил молчание один из троих, – Жалко. Корабль совсем новый.

– Это уже не корабль. Это наш приговор, – раздраженно буркнул второй, – Все ищейки Соединенных Планет знают опознавательный код этой посудины!

– Код можно было сменить, – не слишком уверенно возразил третий.

– Где? На этой дикарской планете? Не болтай глупостей! И потом не забывай – надо было кой от чего избавиться…

– А не проще было отдать *это?*

– Ага, – собеседник саркастически хмыкнул, – Передать, так сказать, лично в руки Госпоже Улл-Брайз… Вы думаете, они так обрадуются, что подарят нам жизнь? Каждый, кто имел хоть какое-то отношение к этому делу – уже покойник. Кроме нас. Вы что, торопитесь к Праотцам?

– Да нет…

– Тогда хватит болтать! Пошли, насладимся благами здешней примитивной цивилизации.

Они выбрались из крапивы, пересекли овраг и двинулись вдоль пустынной улицы. Когда они поравнялись с одиноким фонарем на покосившемся столбе, шесть решительных фигур возникли из тьмы:

– Привет…

– Привет, – как можно дружелюбнее отозвались спутники.

Шестеро обступили, преграждая дорогу. И сиплый голос уточнил:

– Давно не виделись, Васёк… Поговорим?

– Поговорим, – радостно кивнул один из троих, с добрым и простодушным лицом.

Минут десять спустя, тот, кого назвали «Васьком», попробовал подняться. Это у него плохо вышло, и он со стоном вновь рухнул на пыльную землю.

– Кажется, мне сломали ребро, – меланхолически заметил «Васёк» и добавил обиженно, – Ты не говорил, что на этой планете нас будут бить.

Прислонившийся к столбу высокий русоволосый парень сплюнул и пощупал во рту – одного зуба не хватало:

– А я-то откуда мог жнать?

– Как ты думаешь, они что-то заподозрили? – спросил «Васёк», осторожно пробуя переносицу.

– Не-а, – уверенно покачал головой высокий и радостно прошепелявил, – Вфе профло беф фуфька, беф фадоринки!

– Я так и понял, – простонал «Васёк».

– Мафкировка идеальная. И иффейки Фоединенных Планет тофе нифего бы не уфюяли!

Высокий хихикнул и тут же сморщился от боли. Опять пощупал во рту, сплюнул и добавил более членораздельно:

– Думаю, это было вроде инициации, как у всех примитивных народов. Можешь считать, что мы приняты в местное племя!

– Значит, бить уже не будут?

– Ну… – уклончиво вздохнул высокий, – Абсолютной гарантии я дать не могу.

В этот момент откуда-то из темноты возник третий:

– Долго еще собираетесь валяться?

«Васёк» уставился на него свирепым взглядом:

– Смылся, гад! В кустах отсиживался, пока нас… инициировали!

– Всего-навсего разумная предосторожность, – пожал плечами третий, – Считайте, что я находился в резерве. Ожидал возможности нанести решающий удар.

– И почему ж не нанес? – криво усмехнулся «Васёк».

– Ну так… возможности не представилось.

– Ничего. Щас я сам нанесу несколько ударов… По твой наглой роже! – «Васёк» попробовал вскочить и тут же взвыл от боли. Опустился на землю и махнул высокому:

– Помоги!

Тот помог. Но твёрдо заявил:

– Хватит скандалить. Идём домой.

– Это куда?

– Ко мне. Я ближе живу.

Приноравливаясь к медленному шагу «Васька», спутники двинулись по улице.

– А здорово нас отделали…

– А что вы хотите? Варварская планета. Месяц-другой здесь перекантуемся, и свалим, – высокий похлопал себя по груди, там, где под рубашкой болталось ожерелье нуль-транса, – Когда утихнет заваруха – огребём жирный куш. И все звёзды будут у нас в кармане!

– Кстати, а куда ты зашвырнул корабль?

– Не очень далеко, зато надёжно. Сектор 5-27-17, Темное Пятно. Оттуда не возвращаются.

– А если все таки вернутся?

– Это врядли. Забыл кто сидит в Изоляционном Отсеке?

«Васёк» молча нахмурился.

Высокий ощутил его настроение и дружески коснулся плеча товарища:

– Эй, не бери в голову! Наша совесть чиста! Любое сканирование это подтвердит. Мы не нарушили ни одного правила Гильдии. Полная добровольность! И никакого насилия!

Третий весело хихикнул и подтвердил:

– Никакого! Мы же не варвары.

– Да уж, мы – существа культурные, – согласился «Васёк», озабоченно щупая распухшую переносицу.

1. Кое-что задаром

Глава 1

Иногда всё начинается очень обыденно.

Как-то ясным сентябрьским утром в одном из тихих двориков провинциального города Х. встретились трое молодых, ничем особо не примечательных людей.

Брюнета среднего роста и крепкого телосложения, с симпатичным, но чуть простодушным лицом звали Василий Лубенчиков. Второй, высокий русоволосый парень, с проницательным, хотя сейчас несколько сонным взглядом, был Дмитрий Капустин. Третьим оказался я (я частенько оказываюсь в этой кампании третьим – между прочим, весьма почетное и крайне необходимое для достижения гармонии место).

Пожав друг другу руки, мы присели на лавочку за кустами в спокойном уголке двора.

– Димыч, Лёха! Держитесь за скамейку, а то упадете! Дело на сто «лимонов»! – физиономия Лубенчикова озарилась прямо-таки детской радостью.

Дима Капустин поморщился, а я ухмыльнулся, отводя взгляд в сторону.

Очередная васькина авантюра.

Вроде того случая, когда Лубенчиков чуть не приобрел на все деньги огромную партию эмалированных ночных горшков – какой-то гад нашептал Ваське, что в Ростове они идут нарасхват. Тогда с трудом удалось удержать товарища от гибельной затеи.

Что на этот раз? Два вагона детской присыпки?

Васька вскочил со скамейки. Он аж подпрыгивал на месте, но слова не в силах были выразить распиравшие его чувства:

– Это уникальный шанс! Один на миллион. На миллиард!

Вдохновенная речь сопровождалась яростным жестикулированием:

– Лотерейный билет! Блюдечко с голубой каёмочкой! – Васька хихикнул, – Да-да, именно, блюдечко! Тарелочка!

Неожиданно он осекся, побледнел и оглянулся по сторонам. Дворик был немноголюден в этот утренний час – лишь в дальнем его конце лазили в песочнице ребятишки и прогуливались мамаши с колясками. Однако, Лубенчиков изменился в лице и продолжил сугубо конспиративным шепотом:

– Если все выгорит – мы озолотимся. Надо две штуки баксов.

– Ага, – устало кивнул Капустин, – Что за дело? Большая партия презервативов для оленеводов Ямало-Ненецкого округа?

– Бери выше, Димыч, – просиял Васька белозубой улыбкой.

– Ну, тогда, наверно… партия уцененных золотых самородков? – вставил я.

Улыбка Лубенчикова слегка притухла.

– Нет? – Дима равнодушно зевнул, – А, догадываюсь… Компания «Де Бирс» продает по дешевке списанные бриллианты?

Васькина улыбка окончательно погасла:

– Кончайте издеваться! Я ведь не шучу. Вы ведь меня знаете!

– Ага, – хмыкнул Капустин, – *Тебя* мы очень хорошо знаем!

Дима снова широко зевнул и зажмурился.

Я его прекрасно понимал. Хотя здоровые молодые организмы уже успели справиться с легким похмельным синдромом, размышлять о делах совершенно не хотелось. Настроение у нас еще было каникулярное. Всего лишь позавчера вернулись из Крыма: две недели в палатке на берегу, южное солнце, теплое море, симпатичные девочки… Подумать только,

всего пару дней назад не было этого огромного душного, пыльного города. Была ярко-синяя, голубая, зеленовато-перламутровая гладь до самого горизонта, ветер с привкусом морской соли, нагретые щедрым солнцем скалы, кристально чистая родниковая вода без малейшего намека на хлорку… Два дня, всего два дня назад… А Васька уже успел влезть в очередную авантюру.

Лубенчиков склонился над скамейкой, притянул нас поближе могучими ручищами и что-то горячо зашептал.

– Чего-чего?

Васька повторил, ухмыляясь и в этот раз мы всё разобрали вполне отчетливо. Переглянулись и внимательно на него посмотрели. Дима озабоченно приподнял бровь и на всякий случай попробовал ладонью васькин лоб:

– У тебя жар? Или может белая горячка после вчерашнего?

Я покачал головой:

– Да, Васёк, всё было. Но такого… ещё нет.

Лубенчиков засмеялся:

– Можете поверить – это не мои «глюки». За глюки я не стал бы платить аванс!

Дима взволнованно вскочил со скамейки. Пару раз прошелся туда-сюда, чтобы дать выход эмоциям. Наконец, скрестил руки на груди и пронзил Ваську испепеляющим взглядом:

– Знал я, что ты, Лубенчиков – лопух! Но не до такой же степени!

«Лопух», как ни в чем не бывало, продолжал сиять ухмылкой.

– Сколько ты им уже отвалил?

– Сколько с собой было, – пожал Васька плечами, – Сто баксов. Остальное – сегодня вечером. Пока другие не перехватили. Сами понимаете, товар особенный…

– Ага, понимаем… – Капустин хлопнул Лубенчикова по мускулистому плечу, – Хорошо понимаем, что плакали твои денежки.

Эх, если бы и мозги у нашего друга были настолько «мускулистые».

Я вздохнул:

– Ты, главное, не расстраивайся, Васёк – не такие уж это большие «бабки»…

– А я и не собираюсь! – Лубенчиков весело подмигнул, – Между прочим я под свой аванс уже кое-что приобрел! – Васька тронул слегка оттопыренный карман брюк и заговорщески огляделся по сторонам, – Лучше поднимемся наверх… – он кивнул в сторону дома, на восьмом этаже которого обитала семья Капустиных.

Квартира Димы была безлюдна, словно гробница Тутанхамона до визита археологов. И все же, бдительный Лубенчиков заглянул по очереди в каждую комнату. Лишь после этого извлек из кармана небольшую плоскую коробочку.

– Вот оно! – произнес он с загадочным и торжествующим видом.

Мы с Димычем едва не расхохотались:

– И за это ты отвалил сто баксов?

Больше всего штуковина напоминала сплющенную копию мыльницы, стоявшей на полочке в ванной Капустиных. Даже цвет был такой же, светло-голубой.

Васька наш сарказм проигнорировал. Он шарил оценивающим взглядом по гостиной. И мне, и Диме этот взгляд не понравился. Но едва Капустин успел приоткрыть рот, собираясь задать резонный вопрос, Лубенчиков что-то сделал со своей дурацкой коробочкой и…

Большой шкаф в дальнем углу гостиной исчез с легким хлопком.

– Ну как? – невинно поинтересовался Васька.

Димыч, как подкошенный, плюхнулся на диван. А мне удалось сохранить равновесие, привалившись к дверному косяку. Но уже через секунду мы оба бросились в угол и внимательно исследовали пыльный след на полу. Снова уставились на Лубенчикова:

– И где же шкаф?

– Вы действительно хотите знать? – загадочно улыбнулся Васька.

– Да! Да! – неожиданно разъярился Капустин, – Конечно мы хотим знать, куда делся этот долбаный шка… – последнее его слово оборвалось легким хлопком. Дима исчез так же мгновенно, как и злощастный предмет мебели.

«Блин!» – беззвучно зашептал я одними губами и, на всякий случай, стал потихоньку, бочком двигаться к выходу. Не хочется, знаете ли, так бесславно покидать грешный мир…

А Васька Лубенчиков вздохнул, как ни в чем не бывало, и с нежностью провел рукой по голубоватой «мыльнице», которая сейчас пульсировала матовым светом. Выждал несколько секунд. Ухмыльнулся и направил «фиговину» в тот самый угол. Два раза коснулся пальцем выемки на её поверхности.

В то же мгновенье, шкаф возник на старом месте.

Вот только Капустина не было.

– Один момент, – Васька озадаченно почесал затылок и на всякий случай еще раз нажал углубление «мыльницы». Откуда-то из пустоты свалилось ведро с картофельными очистками. Следом – с истошным воем, насмерть перепуганная кошка Дуська.

Лубенчиков хлопнул себя по лбу:

– Проклятый склероз! Вчера целый вечер экспериментировал, да так и забыл её там! Кис-кис-кис!

Бедное животное со всех лап рвануло прочь из гостиной.

На её счастье, глухие стоны, донёсшиеся откуда-то со стороны шкафа, отвлекли внимание Лубенчикова. Васька прислушался и радостно поинтересовался:

– Дима, это ты?

Шкаф загудел и затрясся от отборных многоэтажных выражений. Мы с Лубенчиковым распахнули дверцы и тщательно изучили содержимое. Однако среди висевшей внутри одежды не было ни малейших признаков Капустина.

– Да где ж ты? – недоуменно нахмурился Васька.

В ответ громыхнул новый поток ругательств. Мы наконец-то сообразили. С огромным трудом выдвинули нижний, предназначенный для постельного белья ящик и Васька восхитился:

– Какая экономная упаковка!

Сжатый в эмбриональной позе – голова между ног – Дима свирепо заскрежетал зубами, пытаясь самостоятельно выбраться из ящика. Однако затекшие конечности плохо его слушались и Лубенчиков торопливо помог другу обрести вертикальное положение.

– Ну ты и гад! – процедил Димыч, переводя дух.

– Какая черная неблагодарность! – искренне изумился Васька и вовремя пригнулся – кулак Капустина просвистел в миллиметре от его уха.

– А если б эта твоя хреновина вообще меня на атомы распылила? Я ведь не шкаф, понимаешь?! Я – человек!

– И это звучит гордо, – с безопасного расстояния согласился Лубенчиков, – Да не горячись так! Я ведь сначала на кошке проверил.

– На кошке? А если она через пару дней сдохнет?!

– Сдохнет – значит больная была… – не слишком уверенно пожал плечами Васька и, натолкнувшись на мой осуждающий взгляд, испуганно прикусил губу: «А если и вправду сдохнет?»

– Кис-кис-кис! – Лубенчиков выскочил из гостиной.

Димыч тяжело опустился на диван. Судя по лицу, к нему уже возвращалась способность здраво рассуждать. Мы переглянулись и я заметил:

– А ведь Васька прав. Одна эта коробочка стоит намного больше двух штук баксов.

Капустин поднял на меня лихорадочно блеснувшие глаза:

– Какие там штуки, Лёха! Дело пахнет миллионами!

«Ого! Он что, тоже заразился?»

Печальный Лубенчиков вернулся в гостиную, разводя руками:

– Нигде её нету. И главное молчит, стерва, не отзывается. Кис-кис – и ни гу-гу!

– Неудивительно, – сухо заметил Дима, – Я б на её месте тоже… Дай-ка сюда коробочку!

– Это еще зачем? – опасливо попятился Васька.

– Да вот, хочу проверить: поместишься ты в тот ящик… или придется малость укоротить.

Я кашлянул, кусая губы.

– Честное слово, Дима, это ведь не специально получилось, – защищался Лубенчиков, – Наверно штуковина сама управляет оптимальным заполнением. Чем меньше остается полезного объема, тем плотнее упаковка…

– Ага, упаковал бы я тебя – чтоб родная бабушка не узнала!

На простодушном лице Васьки расцвела улыбка младенца. Вот только расставаться с «волшебной» коробочкой он не торопился.

Диме пришлось напомнить о двух тысячах баксов, которых Лубенчикову не видать, как своих ушей. Это было сильным доводом. Голубоватая «мыльница» перекочевала ко мне в руки. Я передал её Капустину, а Васька сделал попытку выскользнуть из комнаты.

– Стоять! – сурово приказал Дима, – Ну-ка, расскажи, как управлять этой хреновиной!

– Честно говоря, я сам еще толком не разобрался…

– А на людях уже испытываешь! Всё таки гад ты, Лубенчиков!

В порядке эксперимента, Капустин немедленно дематериализовал пару стульев, телевизор «Электрон» и большое кресло, из которого пулей успел выпрыгнуть Васька.

Материализация шла в обратном порядке: сначала на ногу Лубенчикову свалилось кресло, потом на кресле возник телевизор. И наконец, пара стульев, один за другим, материализовались точно над Васькиной головой.

– Совсем не остроумно! – обиделся Лубенчиков, потирая ушибленную макушку.

– Кто бы говорил! – весело огрызнулся Дима, – Кстати, интересно, грузовик в эту штуковину влезет? А вагон?

– Не знаю, не пробовал, – пожал плечами Васька.

– Попробуем! Обязательно попробуем! И вагоны, и грузовики! – обычно рассудительный взгляд Капустина светился мистическим блеском, – Мы такие дела провернем! Такие комбинации! Главное – никому не слова! – он выразительно приложил палец к губам. Потом вскочил и начал расхаживать по комнате, что-то возбужденно бормоча под нос.

Я хмыкнул, качая головой. За столько лет знакомства, таким мы Диму еще не видели. А ведь бывало и раньше всякое. Особенно с тех пор, как четыре года назад, по окончании политехнического, мои товарищи ступили на скользкий путь коммерции.

Не то чтобы им сильно это нравилось. Дима, например, окончил институт с красным дипломом и даже поступил в аспирантуру (в ней он до сих пор и числится). Однако этим его научная карьера и завершилась.

Люди в летах, у которых не оставалось выбора, отчаянно боролись за выживание. И строчили килограммы заявок на финансирование в разнообразные фонды, предлагая всяким соросам дешевые российские мозги.

Молодежь массово покидала «Титаник» отечественной науки. Немногочисленные счастливчики, дорвавшись до «забугорных» грантов, торопливо «сваливали» из России. Большинство, получив желанные дипломы, разбредались кто-куда сумел устроиться. Один наш одногрупник даже стал опером ФСБ. Жить-то надо!

Мои друзья выбрали коммерцию. Начинали они практически с нулевым капиталом. Почти с таким же капиталом оставались и спустя четыре года.

Чем только они не пробовали торговать за это время! От металлического профиля до женского белья! Итогом всей этой бурной деятельности было весьма скромное превышение доходов над расходами.

Так что димыно возбуждение, в общем-то, объяснимо. Первый раз за эти годы улыбается настоящая удача!

Одно непонятно – почему он так зациклился на этой волшебной «мыльнице»? Наркотики он что ли собирается в ней возить?

Я похлопал Капустина по плечу:

– Остынь, Димыч, остынь. Грузовик с кокаином туда не влезет. И вагон анаши – тоже.

– Правильно, Лёха, – поддержал меня Васька, – Не будем размениваться на мелочи. *Главное*– сегодня вечером.

Глава 2

Разомлевшее солнце постояло над горизонтом и мягко плюхнулось в пурпурную гладь, так что красные брызги залили облака, окрасили вечерний город.

Золотые россыпи проступили у восточного края сереющего неба. Голубой занавес таял с каждой минутой и вселенская бездна с любопытством всматривалась в суетливую земную жизнь…

В этот торжественный час, мы доехали до конечной станции Холодногорско-Заводской линии, поднялись из метро на поверхность и успели вскочить в отходящий автобус. Через пару остановок вышли и продолжили путь пешком.

Очень скоро многоэтажки сменились частной застройкой. Улица утратила прямолинейность и лишилась большей части асфальтового покрытия. Заметно стемнело. Мы с Димой то и дело нервно оглядывались по сторонам. Район не внушал доверия, а почти две штуки баксов – все таки изрядная сумма.

И только Васька бодро шагал вперед – невозмутимый, как Иван Сусанин.

– Далеко еще? – спросил Капустин.

– К утру дойдем, – невинно пошутил Лубенчиков.

Димыч скривился. От моего утреннего энтузиазма тоже мало что осталось. В сумерках, дурные предчувствия всплывали из глубин подсознания…

Мы свернули куда-то вбок. Улица, переулок… Хрен его знает, как это зовётся днём? Мы брели, спотыкаясь о колдобины. Впереди, на покосившемся столбе одиноко и как-то обреченно сиял фонарь. Быстро надвигавшаяся темнота казалась от этого только гуще.

– Неужели нельзя было назначить встречу пораньше? – вздохнул я.

Васька смерил меня ироничным взглядом:

– Ты хоть сам-то понял, что сказал? Ты б еще потребовал, чтобы они явились в полдень перед мэрией!

– Может и не в полдень, а все таки… – я не успел договорить. Лубенчиков крепко схватил нас за плечи и потащил влево – в кусты.

– Ты чего? – изумились мы с Димычем.

Васька прошипел что-то неразборчивое, а мы не стали уточнять. Мы заметили рослых парней, возникших из темноты в круге света под фонарем. Выглядели они отнюдь не враждебно. Все шестеро устроились на скамечках, потягивая пиво и негромко беседуя.

– Ты, что, их знаешь? – шепотом спросил Дима.

– Главное, они меня знают, – хмыкнул Лубенчиков, – Придется обходить.

Тут он первым героически ринулся сквозь двухметровую стену крапивы. Слегка ошеломленные, мы на пару секунд задержались. Но двинулись-таки следом, чертыхаясь вполголоса и старательно отодвигая жгучие стебли от лица.

Васька прокладывал дорогу с уверенностью бульдозера. А мы с Димой начали подозревать, что Лубенчиков питает мазохисткую слабость к крапиве. Выбранный обходной путь проходил исключительно по её зарослям.

После бесконечных блужданий уперлись в преграду. Дима посветил фонариком. Вправо и влево тянулся бетонный забор метра в три высотой. К счастью, не сплошной. Через проломы гостеприимно кивал верхушками неизменный жгучий сорняк.

– Это здесь! – с искренним воодушевлением объявил Лубенчиков.

– Ну и место ты выбрал, – пробормотал я. Вздыхавшая в темноте растительная масса напомнила мне роман «День триффидов». Там ведь, кажется, скрещивали крапиву с подсол-

нечником. И тоже думали заработать неплохие «бабки»… А чем кончилось? Бр-р… Дурные предчувствия охватили меня с новой силой.

– Интересно, а как они выглядят?

– Увидим, – бодро ответил Васька, собираясь нырнуть в пролом, но рука Капустина задержала его:

– Погоди. Может не стоит?

– Чего?

– Еще не поздно вернуться. Нам и одной «волшебной» коробочки хватит вот так, – Дима нервно взмахнул ладонью у горла. Я кивнул. На это раз его соображения казались более, чем резонными.

– Да вы что! – возмутился Лубенчиков, – Эта коробочка – просто дерьмо, по сравнению с тем, что мы будем иметь!

– Не нравится мне это, понимаешь, – вздохнул Дима, – Сам посуди, на хрен ты им нужен со своей жалкой парой штук баксов. Здесь что-то нечисто!

– А по-моему, ничего удивительного. Это вроде контрольной закупки. Хотят проверить, можно ли вообще иметь дела с людьми. И нам офигенно повезло! Повезло, что первый эксперимент решили провести именно с нами!

Ваську опять охватил энтузиазм:

– Вы представляете, какая на нас лежит ответственность?! Ведь если опыт будет успешным – это откроет новую эпоху для всего человечества!

Я скривился:

– Васёк, одна моя знакомая аспирантка тоже ставила опыты на крысах. Успешные. Только крысам от этого было не легче.

– Ага, вы струсили?! – ухмыльнулся Васька, – Оба! Признайтесь честно, струсили?

– Да пошел ты… – пробормотал Дима.

Но Васька уже почувствовал, что задел нас за живое. И не унимался:

– В штаны наложили, бизнесмены хреновы… Помните, точно так было когда Рузян предложил нам «Опель» и «БМВ» по смешной цене!

– Машины были краденые! – возмутился Капустин, – А Рузян твой – отморозок, каких еще поискать!

– Да плевать! Понимаешь, плевать! У меня уже и клиенты были на примете. А вы с Лёхой струсили. И пока я вас уламывал, Санька Посох договорился с Рузяном. Он пять «штук» срубил на этом деле! Пять «штук» на ровном месте, как с куста! А вы… А-а, – Лубенчиков с обидой махнул рукой. Обрывая бесполезный разговор, полез в пролом. Уже оттуда, из крапивной темноты, донеслось:

– Можете возвращаться… Справимся и без вас, и без ваших баксов.

– Интересно, как? – буркнул я, – Попросишь у них взаймы?

Димыч неуверенно кашлянул:

– Вот балбес…

Я закрыл глаза и прислонился к бетонному забору. Конечно, я-то знаю, что не боюсь… Разве это страх? Нормальная предосторожность.

А с Рузяном, действительно, вышел «облом». Хотя риск был, конечно. Но и «навар», пропорционально. Одна из тех васькиных авантюр, в которой я вполне мог принять участие. И даже неплохо заработать. Обычно, с деньгами у меня хроническая напряженка. Ведь «зарплата мэ-нэ-эса» не менее символическое понятие, чем «Ка» фараона. Но тогда наш отдел получил американский грант. Долларов четыреста я скопил. И была возможность превратить их в «штуку» с лишним…

Что теперь вспоминать. Я нервно ковырнул землю носком ботинка – вероятно, не гожусь для таких дел.

Дима задумчиво почесал затылок.

Было отчего задуматься. Бросать сейчас Ваську одного – тоже свинство.

Я заглянул в пролом в заборе – крапива вздохнула на ветру и ласково потянулась к моему лицу. Я раздраженно отпихнул рукавом жгучие «ладони». Сорняк обиженно зашелестел. Триффид недоделанный…

Я сплюнул в темноту: будь что будет! Васька, паршивец этакий, уже не оставил нам выбора.

– Димыч? Ты идешь?

Он пробурчал что-то невнятное. Природное благоразумие боролось в нем с товарищеским долгом.

Я не стал его ожидать. Проламывая крапивные заросли, я вступил в таинственный мрак по ту сторону забора. И тут же пожалел, что фонарик остался у Димы.

Земля ушла из под ног.

Холодея, я провалился в неведомую бездну.

Ай!

У бездны оказалось неожиданно близкое и твердое дно, на которое я с воплями приземлился. Потирая ушибленное колено, завертел головой по сторонам.

Бесполезно. Тьма вокруг казалась осязаемо густой и… кто-то или что-то неотвратимо надвигалось, должно быть привлеченное шумом падения.

Где же Димыч со своим фонариком?!

А черный силуэт – совсем рядом. Нависает на фоне звезд. Он кажется огромным. Ближе… Еще ближе…

– Дима! – отчаянно заорал я.

Спустя мгновенье, откуда-то сверху желтоватый луч озарил зловещую фигуру.

– Чего орешь, балбес? – при ближайшем рассмотрении «фигура» удивительно похожа на Ваську. И даже голос его:

– Лёха, ты ж нам всю конспирацию поломаешь!

– В гробу видал твою конспирацию, – буркнул я, отряхиваясь.

Глупо вышло. Зато все опасения и страхи бесследно улетучились.

Сверху спрыгнул Капустин. Он поводил туда-сюда лучом фонарика и окружающая обстановка прояснилась. Мы стояли на дне большого котлована. Вероятно, еще на заре перестройки, здесь собирались закладывать фундамент большого здания. Тут и там, из зарослей бурьяна торчали бетонные обломки. Ничего таинственного в этой обыденной картине. Ни малейших намеков на загадочных васькиных благодетелей.

– Ну и где? – язвительно поинтересовался Дима, направляя луч света прямо в физиономию Лубенчикова.

– Появятся, – отворачиваясь, пробормотал Васька. Он заметно нервничал. То и дело поглядывал на люминесцентный циферблат часов.

Ага.

Зря мы с Димычем волновались. Таки передумали *они*, не снизошли до второй встречи с нашим великим бизнесменом.

Еще полчасика ждём и домой! С чистой совестью!

Прогуливаясь вдоль котлована, я споткнулся о кусок арматуры, подобрал его и, от нечего делать, принялся сбивать крапивные верхушки. Вспомнил недавнее воодушевление Лубенчикова и хихикнул. Новая эпоха для всего человечества откладывается. И слава богу!

На радостях я особенно сильно замахнулся арматуриной и… металлическая поверхность гулко отозвалась на удар.

«Ого!»– я выронил железяку, остолбенело разглядывая темную массу, возвышавшуюся передо мной на фоне звездного неба. Я был готов поклясться чем угодно: еще секунду назад здесь ничего не было – только крапива и куски бетона!

– Дима! – позвал я слабым голосом. Капустин подоспел с фонариком, осветил *это* и судорожно кашлянул. У меня в горле тоже вдруг пересохло, а сердце заколотилось так, словно просилось наружу.

– Васька!

– Вижу, – отозвался где-то рядом Лубенчиков, – Ну, наконец!

Васькин голос тоже дрожал от волнения. Не каждый день, точнее не каждую ночь обнаруживаешь *такое*…

Это загадка – почему самые удивительные явления в разговорной речи получают самые обыденные названия? Например, объект, висевший посреди котлована в метре над землей, именовался по-кухонному банально.

– Йо-маё, Васёк, – забормотал Дима, – Это ж типичная «летающая тарелка»!

Лубенчиков хмыкнул:

– Типичная?

И правда, можно подумать, что Дима всю жизнь только и делал, что занимался классификацией инопланетных летающих аппаратов.

Глава 3

Вчера у Васьки был удивительный день. Множество разных событий сложились в единственно счастливую мозаику.

Часов до девяти вечера мы вместе отмечали наше возвращение «с курортов» в родной город. Вернее, отмечать-то мы начали еще позавчера, сразу по прибытии на Южный Вокзал. А вчера последовало естественное продолжение.

Помню, хоть и в некотором тумане (под столом уже успела выстроиться батарея пустых бутылок) – около девяти Васька встал из за стола. Тоном, не терпящим возражений, заявил, что немедленно покидает наше общество. Его ждет дама!

Мы с Капустиным, естественно, чуть изумились: куда к даме-то, после всего выпитого?

– Лучше тащи её сюда! – предложил Димыч.

Васька резонно заметил – его неправильно поймут, если он станет таскать дам по улицам. Что они, чемоданы, что ли? К тому же у него свидание, а на свидание обычно являются в одиночку, а не втроем.

Сохраняя строгую гвардейскую осанку, хотя и с заплетающимися ногами, он покинул нас. Дальнейшие события можно восстановить только с его слов.

Прошлым вечером Лубенчиков действительно отправился на свидание. И лишь перелезая чей-то забор, протрезвел и сообразил – свидание-то назначено аж на будущую субботу!

Поболтавшись какое-то время на заборе он вспомнил и другие подробности. Например, что некие малосимпатичные молодые люди обещали провести с ним воспитательную работу. Если еще хоть раз увидят его в их районе…

В этот момент, несколько до боли (до физической боли!) знакомых силуэтов возникли на горизонте.

Дальше висеть на заборе было не только обременительно, но и неосторожно. Поэтому Васька перекувыркнулся в чей-то огород. К несчастью, его уже заметили. Послышались взволнованные возгласы и топот ног.

Эти юноши явно мечтали побеседовать с Лубенчиковым в тесной и неформальной обстановке. Но сегодня его не тянуло на откровенность. Васька бросился бежать. Он нёсся во всю мочь, прыгая через свекольные грядки под истеричный лай бдительных псов. Весь его хмель, как ветром сдуло.

Миновав огороды, Лубенчиков выскочил в проулок и кинулся вдоль заросшего бурьяном оврага. Погоня не отставала. Ночь была безлунная. Васька, словно заяц сиганул в бурьян и затаился. Несколько фигур промчалось мимо.

Чуть отдышавшись и убедившись, след его потерян, Васька успокоился. Пересек овраг и двинулся вдоль бетонного забора, насвистывая что-то веселенькое.

Минут пятнадцать до автобусной остановки и бурный вечер благополучно завершится.

Однако, развлечения только начинались.

Внезапно, яркий свет заставил Ваську зажмуриться.

Он истинктивно нырнул в крапиву. Первая мысль: «Таки выследили, гады!»

Но свет по прежнему бил в глаза, даже через закрытые веки, и тогда Васька понял, что ослепительный луч исходит откуда-то сверху. С неба?! В ту же секунду он услыхал Голос.

Вовсе не грозно-басовитый, как можно было ожидать.

– Привет, – ласково-вкрадчиво прозвенело где-то у самого его уха. От неожиданности Лубенчиков не нашел ничего лучшего, как отозваться:

– Привет… – и, закрываясь ладонью от яркого света, оглянулся – никакой женской особы поблизости. «Чертовщина…» Словно в ответ на его мысли послышался негромкий смех:

– Не туда смотришь. Мы здесь, наверху.

Луч, падавший на Ваську, притух до легкого свечения. И Лубенчиков наконец-то разглядел. Нечто круглое и темное зависло в небесах. На какой высоте – понять трудно. Поэтому и о размерах объекта судить было невозможно. Ваське показалось, что *это* – едва ли больше пивной цистерны.

Он заколебался – не броситься ли наутек? Особого страха Васька не испытывал, но хрен его знает, чего ждать от болтающейся в воздухе штуковины. Словно уловив его сомнения, вновь зазвучал Голос. Точнее, Голосок:

– Не бойся, у нас нет враждебных намерений.

– А я и не боюсь, – горделиво заявил Лубенчиков, выпрямляясь во весь рост, – Давайте, спускайтесь. Потолкуем.

Его аж в жар бросило от собственной смелости.

Объект начал быстро снижаться.

Штуковина оказалась куда крупнее, чем померещилось Лубенчикову вначале. «Мама родная!»– до него дошло, наконец.

Васька потихоньку стал пятиться к оврагу. Сейчас эта хреновина как сядет, как повалит наружу толпа зеленых гуманоидов – мало не покажется! Это вам не разборки с местными пацанами. Скрутят, затащат в «тарелку» и сделают ему вскрытие – в порядке дружеского обмена информацией!

Объект прекратил снижение и опять завис. Нежный Голосок виновато зашептал:

– Извини, кажется, мы тебя напугали. Мы хотели, чтобы ты получше смог разглядеть корабль. Хочешь подняться на борт?

– Зачем? Мне и здесь хорошо, – нервно хихикнул Лубенчиков и сделал еще один шаг в сторону оврага.

– Если бы мы хотели причинить тебе вред, мы бы давно это сделали, – грустно уточнил Голосок.

– Правда, что ли? – почесал затылок Лубенчиков, – А чем докажете?

Голубое пламя ударило в землю у самых его ног. Ваську обдало жаром, а среди травы осталось круглое дымящееся пятно. На пару мгновений он оцепенел, опасаясь даже повернуть голову и только краем глаза косясь в сторону объекта. Продолжения не последовало.

– Теперь веришь? – кротко его спросили.

– Ага, – натужно улыбнулся Васька.

И впрямь, сейчас его убежденности позавидовал бы сам святой Тертуллиан. Перед такими аргументами не устоишь.

– Ну и какого… вам от меня надо? – дружелюбно спросил Лубенчиков, слегка переведя дух.

– Тебе нравится наш корабль? – вкрадчиво зазвучал Голосок.

– Конечно, – торопливо согласился Васька, – Очень даже симпатичная «тарелочка». Фасон – бесподобный…

– Это новейший звездолет, – назидательно оборвали васькины излияния, – С противометеоритной защитой и антилазерным покрытием. Если бы ты поднялся на борт и осмотрел всё изнутри, ты бы сам убедился, что корабль в превосходном состоянии.

– Лучше не надо, – Васька попытался сохранить на лице вымученную улыбку, – Я вам верю…

– Никакого насилия, – мягко его успокоили, – Это противоречит нашим принципам.

– Я это уже понял, – вздыхая, кивнул Лубенчиков.

– Взаимная выгода – главное условие наших отношений, – проворковал Голосок.

– Согласен.

– Мы хотим сделать тебе предложение…

«От которого ты не сможешь отказаться,»– криво усмехнулся Васька, вспоминая Марлона Брандо в самой знаменитой его роли.

– …Наш первоклассный звездолет.

– Чего-чего? – еще не осознавая, переспросил Лубенчиков.

Голосок терпеливо повторил:

– Мы предлагаем тебе приобрести наш корабль. За умеренную цену, конечно.

Васька онемел с отвисшей челюстью. Вот это оборот! Он даже присел на траву.

– Вы это всерьез? – выдавил он, снова обретая дар речи. И тут же осекся: «Дурацкий вопрос!» Впрочем, ответа не последовало.

Лубенчиков потер лоб. А что же они будут делать, без своей «тарелки»? На чем добираться? На попутках, что ли?

Вслух он спрашивать не стал – еще передумают, чего доброго.

Уклончиво начал:

– Много я вам предложить не смогу…

– Назови свою цену.

Васька замялся: «Может они спутали меня с кем? С каким-нибудь Абрамовичем или… с Биллом Гейтсом?» Дурацкая ситуация. Ведь эта хреновина не меньше, чем на миллиард «зеленых» тянет! Если не больше. Любое правительство душу продаст за такую «тарелочку».

– Сами понимаете… – набрался наглости Васька, – Вещь-то – не новая… Небось, сотню другую световых лет уже намотала… Вон уже и трещина на покрытии, – бессовестно соврал Лубенчиков.

– Назови цену, – равнодушно повторил Голосок.

Васька наморщил лоб, вспоминая за сколько Рузян загнал Силиону старый «жигуленок». Прикинул совокупные финансовые возможности нашей троицы. Наконец, ожидая что ему рассмеются в лицо, выпалил:

– Две тысячи долларов!

– Согласны, – прозвенел Голосок.

Еще не веря удаче, Лубенчиков ошалело замотал головой: может ему послышалось? Может они не знают, что такое доллары?

– Послушайте, когда я говорил «доллары» я имел в виду «баксы»… Тьфу, ты… Ну это такие, зеленые…

– Не надо объяснять. Мы согласны с ценой.

– Да-а? – широко открыл глаза Васька. Если бы он и так не сидел на траве, пожалуй бы свалился. Голова кругом шла от такого небывалого, неслыханного везения.

– Только у меня с собой сейчас нет… – почти со страхом добавил он. «Вдруг всё обломается?!» Он пошарил по карманам и извлек замусоленную зеленую купюру: как раз сегодня, из-за ветхости её отказались принять менялы на рынке.

– Вот… Всё, что есть. Остальное завтра.

Белый луч коснулся его ладони и сотка растаяла. Взамен возникла небольшая голубоватая коробочка.

– Это подарок. Мы объясним, как пользоваться…

– …Завтра, когда стемнеет. Если опасаешься, приводи с собой друзей. Только не больше двух. И никто, кроме них, не должен знать о сделке!

«Ага, спасибо за совет, – ухмыльнулся Васька, – Если бы не напомнили, я бы в жизни не допёр!»

Вслух он этого не озвучил. Только помахал рукой на прощанье.

Все случившееся походило на волшебный сон. Слишком походило.

Думаю, несмотря на магическую коробочку, несмотря на канувшую в никуда сотку баксов, Васька не был уверен, что фантастическая сделка состоится. Конечно, он тыщу раз мог повторять, как нам повезло, и рассказывать байки про добрых гуманоидов, решивших облагодетельствовать человечество. Только думаю, по-настоящему он поверил лишь коснувшись холодного, внеземного металла…

Тут уж ситуация достигла привычных очертаний. Не витавшая в небесах птица-удача, а вполне материальная собственность сама просилась в руки. И новые аспекты контакта с инопланетным разумом обрели вдруг серьезность и значимость.

– Я и не догадывался, что *она* такая большая, – сожалеюще вздохнул Васька, обходя «тарелку» кругом. В диаметре эта штуковина была никак не меньше двенадцати метров.

– Где держать такую махину? Это ведь не «жигуленок», в гараж не спрячешь, – Лубенчиков почесал затылок, – И на приусадебном участке не поместится…

Темная поверхность инопланетного корабля вдруг начала поблескивать откуда-то изнутри. Голубовато-золотистое свечение, возникнув у вершины «тарелки», побежало сверху вниз, сияющими обручами охватывая её «тело» и рассыпаясь тысячами искр у земли.

На всякий случай мы отступили подальше.

– Это что, фейерверк в честь нашего прибытия? – усмехнулся Дима.

Для полноты впечатления, из круглого отверстия, возникшего на нижней поверхности «тарелки», ударил калейдоскопически переливавшийся разноцветный луч.

Женский голосок мягко проворковал:

– Добро пожаловать на борт!

Отступать глупо.

Васька шумно выдохнул и с напускной небрежностью, двинулся к светлому отверстию. Дескать: «Видали мы мы ваши подержанные тарелки – сплошной летающий утиль!»

Однако, в последний момент Дима сломал весь ритуал и проскользнул вперед.

Пора было перехватывать инициативу из васькиных рук. Контакт с инопланетным разумом – это вам не пустяк! Чего доброго, отмочит Лубенчиков какую-нибудь выходку и потом вся Галактика будет говорить о землянах, как о расе идиотов.

Неведомая сила плавно приподняла Капустина над землей – и он исчез в разноцветном мареве отверстия. Вежливо, но твердо отстранив Ваську, следом отправился я.

Что-то теплое окутало тело, белая дымка заволокла глаза…

Первое, о чем я подумал, вновь ощутив под ногами твердую поверхность – изнутри «тарелка» намного больше, чем казалась снаружи!

А я-то воображал, что надо будет сгибаться, перемещаясь по внутренностям инопланетного звездолета. В большинстве фильмов и книжек гуманоиды выглядели тощими, лупоглазыми карликами. Да и правда, разве это размеры для космического корабля – каких-то жалких двенадцать метров?

То, что мы увидели здесь, потрясало в первые секунды.

Обширный круглый зал. До матово светившегося потолка никак не меньше пяти метров. Даже если допустить, что этот зал мог уместиться внутри «диска» – что само по себе, невероятно – ничего больше внутрь просто не смогло бы втиснуться!

Едва я успел это осознать, белая стена просела, изогнулась и из образовавшейся арки донесся призывный нежный голосок:

– Сюда!

«Ничему не удивляться!»– твердо решили мы с Димой и с подозрением завертели головами по сторонам – где же Васька? Словно в ответ на наши мысли, рядом возникло льдисто мерцавшее туманное облако. Туман рассеялся – и это был всего лишь Лубенчиков.

Пока со стороны инопланетников – никаких подвохов.

– Идем! – деловито взмахнул рукой Капустин и первый двинулся в сторону арки.

Васька явно не ждал такой прыти от рассудительного Димы.

– Налево, – проворковал женский голосок. Коридор уперся в глухую стену. Но она гостеприимно расступилась, изогнулась сводчатым проемом. Мы вошли в совершенно пустую комнату.

– Пожалуйста, присаживайтесь, – ласково зазвенело где-то у самого уха.

Я в недоумении почесал затылок: тоже мне гостеприимство! Куда садиться? На пол, что ли?

Озвучить недоумение я не успел. Откуда-то из пола фантастическими цветками выросли три комфортабельных на вид кресла.

Мы сели – кресла немедленно приняли форму тела, создавая ощущение максимального удобства. Я с любопытством провел рукой по подлокотнику: пружинистый и теплый – как живой!

– Итак, вы готовы заключить сделку? – деловито поинтересовался Голосок.

– Без базара, – кивнул Васька и тут же поправился, краснея под испепеляющим взглядом Капустина, – Я хотел сказать, мы готовы!

Он кивнул Димычу и тот неторопливо, с достоинством, извлек из внутреннего кармана куртки суммарный капитал акционеров: ровно тысяча девятьсот долларов в купюрах разнообразного номинала.

– Всё, как договаривались…

– Вы готовы приобрести наш звездолет? – зачем-то еще раз уточнил Голосок.

– Да ясное дело! – хмыкнул Васька, переглядываясь с нами.

Что-то у этих гуманоидов с соображалкой туго!

– Мы готовы. Готовы!

Какого бы еще хрена мы сюда тащились?

– Начинаю сканирование мозга! – радостно объявил Голосок и мягкие кресла нежно окутали нас, намертво фиксируя тела. Гибкие щупальца, выросшие откуда-то из потолка ласково потянулись к нашим лицам.

– Ого, – выдавил из себя бледнеющий Васька, – Кажется влипли…

– Да уж, – тоскливо вздохнул я, проваливаясь куда-то мерцающую тьму. И напоследок успел разобрать укоризненый комментарий Димы:

– Братья по разуму, мать их…!

…Около минуты я разглядывал матово светившийся потолок, пытаясь вспомнить – где это я, собственно, нахожусь? Во всем теле была приятная истома, как после долгого крепкого сна. Кресло, в котором я полулежал, было таким удобным, что вставать не хотелось. Хотелось закрыть глаза и подремать еще полчасика…

Я зевнул и чуть повернул голову. Рядом сонно моргал Димыч. Я повернул голову в другую сторону и…

Никого! Ни кресла, ни Васьки! Я вскочил. Сонливость, как рукой сняло. Вспомнилось всё, хотя легче от этого не стало, скорее наоборот.

– Дима…

– Вижу.

Он выразительно насупился и приложил палец к губам. Мягко ступая, мы направились к выходу из комнаты. У порога замерли, вслушиваясь.

Абсолютное безмолвие. Ни истошных Васькиных воплей, ни плотоядного завывания неведомых монстров… Хотя, какие там крики. Пока мы были в «отключке», бедного Лубенчикова раз двадцать могли расчленить на составляющие…

Почти с умилением я представил бесхитростную Васькину физиономию. Бедный друг, как часто мы бывали несправедливы к тебе. Как часто называли тебя балбесом… Конечно, иногда ты тоже был хорош… Но, в любом случае, можно выражаться и мягче…

– Как вы себя чувствуете? – проворковало где-то над самым ухом.

Мы оба вздрогнули от такой заботы. Похоже, сейчас возьмутся за нас. Вот это называется влипнуть по-настоящему!

– А где третий? – хрипло спросил Дима.

– На борту, – честно признался Голосок.

– И что с ним?

– С ним всё в порядке, – радостно нас успокоили.

Ага, так мы вам и поверили…

Вслух я сказал, как можно более твердо:

– Не слишком-то вежливо вы обращаетесь с гостями.

– С братьями по разуму, между прочим, – вставил Капустин.

– Была выполнена стандартная процедура, – недоумённо отозвался Голосок, – Пожалуйста, уточните вопрос.

Мы переглянулись:

– Это как понимать?

– Вы добровольно и без принуждения решили приобрести новейший звездолет класса «Эн», согласно третьего имперского каталога. Сканирование мозга обязательная процедура в таких случаях. Чтобы подтвердить, что приобретаемый корабль не будет использоваться для нелегальных деяний, подпадающих под две тысячи сто семьдесят пятую, две тысячи сто семьдесят шестую, две тысячи сто семьдесят восьмую…

– Нельзя ли покороче?

– …две тысячи сто восьмидесятую статью кодекса Ухуала Величайшего.

– Кого-кого?

– Седьмого протектора Торговой Гильдии.

– А что за… деяния?

– Пиратство, бандитизм, ритуальные преступления… – с готовностью начал перечислять Голосок.

– Мужеложество и клептомания, – буркнул Капустин, не слишком любезно перебивая невидимую собеседницу, – Ну и как? Мы выдержали тест?

В ответе явственно звучали торжественные нотки:

– Уже около двадцати минут вы являетесь юридическими владельцами звездолета класса «Эн», согласно третьего имперского…

– Короче! – оборвал Дима, – Где Васька? Только не надо сканировать… я хочу сказать, не надо пудрить мозги!

– Сканирование завершено, – недоуменно пробормотал Голосок, – Василий Викторович Лубенчиков находится в центральной рубке.

– Это где?

– Я укажу дорогу.

Мы с Димой переглянулись – все складывается не так уж и плохо!

– И кстати, – спохватился я, – С кем это мы разговаривали?

– Звездолет класса «Эн» согласно третьего имперского каталога, – с гордостью объявил Голосок.

– Надо же, – покачал я головой, – Ну, а звать-то тебя как?

– Предыдущие хозяева называли меня Лншрр-Дашрыйнлн, – чуть застенчиво (так мне показалось) сообщил Голосок.

– Знаешь… – я неловко замялся, – Давай мы будем звать тебя… э-э-э… просто, Лена. Не возражаешь?

– Нет. Просто-Лена готова выполнять команды.

– Вот и замечательно! – нетерпеливо воскликнул Капустин, – И хватит терять время на пустяки! Пора навестить Лубенчикова, пока он не успел угробить это чудо инопланетной техники!

В центральной рубке не было и намека на такие знакомые по сотням фантастических фильмов пульты, экраны, переключатели. Вместо стен и потолка – прозрачная полусфера, за которой льдисто сияли россыпи звезд. Посредине – единственное удобное кресло.

В кресле сидел Васька, застывший в непривычной для него позе мыслителя. Вот только выражение лица у Лубенчикова было совсем не роденовское. Подняв на нас глаза, он мрачно забормотал:

– Оклемались? Присаживайтесь, отдыхайте…

Мы нахмурились: чего это с другом? Он ведь радоваться должен, до потолка прыгать! Сделка-то выгорела, всё прошло как по маслу! Неужели сканирование мозга так на него повлияло?

Дима озадаченно прикусил губу, подошел и ободряюще хлопнул Лубенчикова по плечу:

– Ты чё такой смурной, Васёк?

Тот не отреагировал. Продолжал смотреть неподвижным взглядом в пол.

– Жалеешь, что отдали за это чудо две штуки «зеленых»? – Капустин кивнул, – Да. У меня тоже такое чувство. Вполне могли обойтись и двумя штуками «деревянных».

– Ага, – согласился я, – Эти братья по разуму ни хрена не смыслят в коммерции!

Васька Лубенчиков издал длинный стон раненого зверя и хрипло неразборчиво замат-ерился, раскачиваясь в кресле.

Мы оцепенели:

– Василий, ты чего?..

Лубенчиков затих, как-то странно посмотрел на нас. И вдруг, ни с того, ни с сего затрясся в судорожном истерическом хохоте. Тут уж мои нервы не выдержали и я заорал, глядя куда-то в россыпи созвездий:

– Что ж вы сотворили, гады! Из нормального человека сделали идиота!

– Неправда, – неожиданно отозвался Васька.

– Чего? – удивленно переспросили мы с Капустиным.

– Никто из меня идиота не делал.

– Конечно, Васёк, – сказал я без особой уверенности, – Это я так… к примеру.

– Ага, – поддержал Димыч, – С тобой всё нормально… Только надо отдохнуть.

Лубенчиков дёрнул головой и повторил без всякого выражения:

– Никто из меня не делал… – он зыркнул на нас тяжелым взглядом, – Никто! Я сам по себе – идиот!

– Ну, Васёк, зачем так самокритично…

– И вы, кстати, тоже.

– Чего?

– Идиоты!

– Угу, – кивнул Дима и ангельским тоном добавил, – Сейчас мы с тобой поедем домой… всё будет хорошо!

В моей голове вертелись какие-то лихорадочно-отчаянные мысли. Но единственное, что приходило на ум – медицинский совет, который давал в подобных случаях знакомый санитар психбольницы:

«Если станет буянить – вырубить чем тяжелым по голове!»

– Домой? – со странной интонацией повторил Васька и опять расхохотался.

Дима побледнел, а я невольно зашарил взглядом по комнате: разумеется ничего тяжелого под рукой не было. Да и не слишком приятно бить по голове лучшего друга.

Переглянувшись, мы вымученно изобразили на лицах улыбки. И тихонько, чтоб не спугнуть, двинулись вперёд. Только бы вытащить Ваську из этой проклятой посудины! Авось на свежем воздухе ему полегчает.

Уловив что-то в наших взглядах, Лубенчиков перестал смеяться. Теперь он следил за нами с нескрываемым подозрением. И когда Дима был уже готов схватить Ваську за плечо, Лубенчиков вдруг скомандовал:

– Кресло – назад!

Кресло стремительно откатилось на несколько метров. Наши благостные улыбки растаяли:

– Васёк, выйдем наружу… Прогуляемся.

– Ни в коем случае, – твердо заявил Лубенчиков, – Там слишком холодно и темно.

«Пожалуй, без помощи профессионалов не обойтись»– подумал я с тоской.

Васька смерил нас внимательным взглядом и улыбнулся. Примирительной и слегка грустной улыбкой:

– Вы что? Думаете – у меня крыша поехала? – Лубенчиков посмотрел куда-то в потолок и гаркнул:

– Эй ты, как там тебя, дай нам полный обзор!

В ту же секунду пол под ногами растаял и мы с Капустиным испытали легкий приступ головокружения. Под ногами была бездна. Черная пустота, усыпанная холодными огоньками звёзд.

– Теперь поняли? – мрачно спросил Васька, паривший в кресле среди этой пустоты.

– А где же Земля? – лишь через несколько секунд выдавил из себя Дима.

– Далеко… – криво усмехнулся Лубенчиков, – Слишком далеко. И что хуже всего – эта посудина не знает дороги назад.

Я шагнул над бездной. Это не могло, не должно быть правдой…

– Лена-Леночка… Мать твою… Что ж ты наделала?

И нежный голосок покорно отозвался:

– Безопасность хозяев – главная аксиома. Звездолет слишком долго был на планете Земля. Опасность черезчур велика – враги преследуют Просто-Лену. Она не может защитить хозяев – враги сильнее. Бегство – единственная возможность выполнить аксиому. Пока хозяева находятся в бессознательном состоянии, Просто-Лена должна принимать решения. Она приняла решение.

– Ну и дура же ты, Ленка, – забормотал Димыч, – Дура, хоть и электронная… Но теперь-то мы в сознании! И мы приказываем – вернись на Землю!

– Невозможно, – чуть виновато возразил голосок, – Информация о маршруте стирается из памяти в целях безопасности хозяев. Директива хозяев.

– Да не давали мы такой директивы! – взорвался Капустин.

– Директива прежних хозяев, – пояснили ему, – Планета Земля не значится в Каталоге Миров. Задайте координаты самостоятельно.

Мы с Димой почти синхронно произнесли одно и то же непечатное слово.

– Кинули нас, ребята, – протяжно застонал Лубенчиков, – Бог ты мой, как же нас кинули!

Глава 4

Не знаю, что сделали бы другие, оказавшись заброшенными в неведомые глубины Вселенной, почти без надежды вернуться домой.

Люди интеллектуальные на нашем месте вероятно ударились бы в дискуссии о смысле жизни. Герои американского боевика уже били бы друг другу морды – тоже в порядке дискуссии. А мы… Первую мысль, почти одновременно пришедшую нам в голову после того, как схлынуло начальное потрясение, озвучил Васька:

– Эй, ты, чудище космическое! Как тут у вас со жрачкой и выпивкой?

– Уточните вопрос, – отозвался голосок.

– Ах ты…! – возмутился Лубенчиков.

– Я – не чудище, – последовало резонное возражение, – Я…

– Знаем, знаем, – кивнул Дима, – звездолет класса «Эн».

– Перестаньте обижать девушку, – заступился я, – Её зовут Лена. И кстати, это единственное существо женского пола километров на миллион в округе.

– Вот-вот… Именно благодаря этому нежному существу мы здесь и загораем, – беззлобно поморщился Капустин. Сейчас он отдыхал в кресле, «выращенном» для него персонально услужливым звездолетом.

– Лена, как у нас с едой и питьём? – напомнил я.

– Запасов достаточно для трехмесячного полета. Возможен дополнительный синтез.

– Как с воздухом?

– Регенерационная система функционирует нормально.

– Ясненько, – вздохнул Васька, – Значит, ближайшее время голодуха и удушье нам не грозит.

– Ага, – почесал затылок Димыч, – Хоть какая-то добрая весть.

– Расстояние до ближайшей обитаемой планеты? – продолжил я выяснение обстановки.

– Согласно Каталогу Миров, в абсолютных единицах, – сто семьдесят семь и шесть десятых световых лет, – с готовностью ответила Лена, – Однако вопрос – некорректен. Мы находимся в секторе 5-2-17 4-й Темной Области. Поэтому, о расстояниях можно говорить только условно.

– И сколько времени займет полет?

– Вопрос некорректен, – опять, чуть виновато, констатировал звездолет, – В Тёмных областях – гипер-переходы не стабильны. Частичная информация, содержащаяся в Лоциях – недостоверна.

– Здрасьте, приехали, что называется, – скривился Васька, – Эти гады еще и зашвырнули нас в какую-то черную дыру. Кидалы, конкретные галактические кидалы! Ну, ничего, хорошо, что они сошли на Земле. Я этих гадов найду!

– Сначала найди Землю, – вздохнул Капустин и мрачно добавил, – Эх… Родных жалко…

– Дней пять они волноваться не будут, – успокоил Васька, – Я бабушке, на всякий случай, записку оставил… Дескать, уехали втроём по делам бизнеса.

– Да? А что через пять дней, умник? Пошлёшь отсюда телеграмму?

Пока друзья выясняли отношения, я старался добиться у звездолёта конкретной информации:

– На полет к ближайшей планете хватит энергии?

– Вопрос некорректен, – в который раз объяснил женский голосок, – В пределах Темных Зон – любые расчеты условны.

– Погоди-ка, – вмешался Димыч, – Предлагаю не лезть в дебри… Сначала, разберемся со здешней едой и питьем. Я почему-то не уверен, что у наших желудков абсолютная совместимость со всякими инопланетными деликатесами.

Мы с Васькой окинули долговязую фигуру Капустина критическим взглядом: а ведь он прав. Иногда, обыкновенный здравый смысл ценнее всех беспредельных полетов фантазии. Если здешняя еда нам не подойдет – мы загнемся куда раньше трех месяцев, на которые рассчитаны припасы корабля.

– Слушай, Лена, – проговорил Васька, впервые называя звездолет по имени, – Тащика сюда всего, что есть… съедобного.

– Необходимы образцы еды и напитков, – торопливо уточнил я, – Надо снять пробы.

– Вы предпочитаете совместный или раздельный прием пищи? – нежно проворковала Лена.

– Совместный, – буркнул Васька.

Наши кресла пришли в движение и сблизились, образовав правильный треугольник. Тут же, посреди этого треугольника из пола выросло что-то вроде громадного цветочного бутона. Он широко раскрылся длинными лепестками, лепестки слились и превратились в большой круглый стол, практически полностью уставленный прямоугольными разноцветными коробочками.

– Здесь около десяти процентов имеющихся образцов, – отрапортовал Голосок, – После снятия необходимых проб, будут выставлены следующие десять процентов.

На целую минуту воцарилось гробовое молчание. Никто из нас так и не спешил притронуться к злосчастным коробочкам. Лена истолковала эту паузу по своему и объяснила:

– Чтобы открыть контейнер, следует надавить пальцами два углубления на правой и левой грани контейнера.

Мы обреченно переглянулись. Наконец Васька взял ближайшую коробочку, сделал, как было сказано, и крышка коробочки услужливо распахнулась двумя створками. Внутри была некая зеленоватая масса. Васька понюхал и торопливо отставил контейнер в сторону:

– Что-то у меня нет аппетита.

Я пожал плечами:

– Рано или поздно, нам все равно прийдется *это* попробовать.

И взял коробочку веселенькой оранжевой расцветки. Думал, что там будет нечто вроде апельсинов в собственном соку… Открыл и понял, что просчитался. Внутри оказалось нечто длинное, изогнутое и червеобразное. Я протянул палец, собираясь пощупать *это*… и *это* в ответ потянулось к моему пальцу. Дрожащими руками я поспешно захлопнул створки коробочки и отставил её, как можно дальше:

– Я еще не настолько голодный.

– Да бросьте привередничать, ребята, – укоризненно вздохнул Дима.

– Вот сам и пробуй *это*, – скривился Васька, вставая из-за стола– Твоя ведь была идея!

– Выбора у нас нет, – философски вздохнул Капустин и мужественно вскрыл сразу несколько коробочек, – Эй, ты, как там тебя, Клава?..

– Не Клава, а Просто-Лена, – терпеливо поправил звездолет.

– Лена! Ложки и вилки в этом заведении имеются?

– Вы предпочитаете земные разновидности? – уточнил Голосок.

– Ага, – почти весело кивнул Дима, принюхиваясь к чему-то вязкому, темно-коричневому.

Из отверстия в центре стола выпрыгнул небольшой поднос с тремя вилками и тремя ложками вполне общепитовского вида. Дима схватил ложку и героически подцепил большой ломоть темно-коричневой массы.

– Не могу смотреть на это, – вздохнул Васька, отворачиваясь, и махнул мне рукой, – Пошли, подышим свежим воздухом.

– Это куда, в открытый космос, что ли? – ухмыльнулся Димыч, пробуя содержимое ложки.

– Мы пока исследуем корабль, – объяснил я, поднимаясь вслед за Лубенчиковым, – Если что… зови на помощь.

Снова оказавшись в громадном зале с куполообразным потолком, какое-то время мы просто шагали взад-вперед.

– Знаешь, Лёха, – сказал вдруг Лубенчиков, глядя в матово-голубоватый потолок, – Зря я Димыча обзывал трусом. Он – молодец. А у нас с тобой – кишка тонка.

Я молча кивнул. Тут не поспоришь. Прав Васька. На все сто. Когда дошло до настоящих испытаний, только Дима и не спасовал.

Ещё минут пять мы бродили в тишине. Есть хотелось всё сильнее. Лубенчиков не выдержал:

– Знаешь… А давай вернемся за стол… Если что… Всё равно ведь загнёмся… А так… быстрее.

Я кашлянул неуверенно: определенная логика в его словах была. Только не слишком уж оптимистичная.

– А может и повезет, – криво усмехнулся Васька.

– Ну да, – кивнул я, – Даже в русской рулетке тоже бывает… везет.

Махнул рукой:

– Пошли!

Возвращаясь в центральную рубку, мы опасались обнаружить уже бездыханное тело Капустина. Тогда бы точно угрызения совести донимали нас до самого конца…

К счастью, тело Капустина на вид было живым и вполне активным. Процентов семьдесят коробочек стояло открытыми, причем половина – совершенно пустые. Среди них и та самая, ярко-оранжевая. Как видно, Димыч совершенно не щадил себя.

– Дима? Ты как? – с тревогой спросил Васька.

Капустин пробормотал что-то с набитым ртом. Но на предсмертные стоны это явно не походило. Наконец ему удалось прожевать:

– Очень вкусно. Зря вы отказались.

Такое хладнокровие поразило нас до глубины души.

– Димыч, ты бы не налегал на всё сразу, – осторожно начал я, – Рыба фугу тоже бывает очень вкусная. Поначалу.

– А уж бледная поганка – вообще пальчики оближешь! – поддержал Васька.

– Тьфу на вас! – поперхнулся Капустин каким-то фиолетовым соком, – Не портите аппетит.

– Неужели тебе нисколечки не страшно? – искренне изумился Лубенчиков.

– А чего бояться? – ухмыльнулся Димыч, – Неужели вы думаете, что эта электронная дура – настолько дура, чтобы накормить нас отравой? Если уж она и про вилки и про ложки знает – тем более она знает, что земные желудки переварят, а что нет!

Мы с Васькой переглянулись.

– Лена! – уточнил я на всякий случай, – Это все съедобно?.. Я имею в виду, для нас?

– Абсолютно съедобно, – отозвался Голосок, чуть обиженно.

Мы с Васькой почувствовали себя полными идиотами. Но и Димыч тоже хорош!

– Не мог раньше позвать, гад! – пробормотал Лубенчиков, хватая ложку и откупоривая еще не тронутый контейнер, – Мы ведь за тебя переживали!

Я тоже не нуждался в особом приглашении. Вдруг обнаружилось – я и, в самом деле, здорово голоден. Вероятно, на нервной почве.

Исследовав примерно третью часть имевшегося в инопланетном меню ассортимента, мы обессиленно откинулись на кресла и решили, что изучение остального продолжим завтра.

Полные желудки сильно облегчали привыкание к необычной обстановке и даже звездное небо вместо потолка уже казалось вполне нормальной деталью интерьера. Нас всех клонило в сон. Тем более, что по земному времени давно был второй час ночи.

– И все таки, в ихнем рационе – бо-ольшой пробел, – пробормотал Васька заплетающимся языком.

– А может это и к лучшему, – сонно заметил я, – У настоящего космонавта должна быть ясная голова…

– …Чистые руки, – хихикнул Васька.

– …И ноги в тепле! – ухмыльнулся Дима, – А по моему, в местный рацион ничего добавлять не надо. Вы и так оба перебрали из тех красных коробочек.

– Да ну, Димыч, это ж сплошное баловство, – вяло отмахнулся я, – Там же – градуса три не больше. Как в кефире.

– Вот-вот, – кивнул Васька, – Напиток для детсадовцев. Завтра же потребую от Ленки повысить крепость…

Фраза Лубенчикова была последним, что запечатлелось в моей памяти в тот длинный вечер. Глубокий сон окутал сознание мягким темным покрывалом. Не думаю, что мои спутники продержались намного дольше…

Снилась мне всякая чепуха. Вроде бы, мы пытались загнать Дарту Вейдеру старенький «запорожец». Васька с серьезным видом уверял, что у самого Императора нету «тачки» круче. А Вейдер гнусаво бормотал из-под шлема, допытываясь во сколько раз быстрее света может двигаться это чудо техники. Мы его таки уломали. Дарт отвалил нам три штуки «баксов». Мы, конечно, обрадовались, но потом обнаружили на всех «баксах» вместо постной физиономии Франклина портрет Императора. А Дарт Вейдер допёр, наконец, что у «запорожца» нет мотора. Прохрипел что-то насчет Темной стороны силы и выхватил из под плаща здоровенную сверкающую монтировку.

К счастью, в этот момент сон оборвался. Я оказался у себя дома в постели. Была глубокая ночь. Ребенок плакал за стеной. Тонкий детский голосок что-то жалобно бормотал. Я понял, что это опять козни Вейдера и удивился: ни Принцессе Лее, ни лохматому Чубакки голосок явно не принадлежал. Разве что, Люк Скайвокер, в детстве? Помнится, тогда он носил красный галстук и вместе с остальными «тимуровцами» лазил по соседским садам… Или я чего-то путаю?..

Перевернулся. Открыл глаза и, с разочарованием, обнаружил себя не в малогабаритной «хрущевке», а в просторной летающей тарелке. Димыч похрапывал рядом… Я сел на постели, в которую, должно быть, превратилось удобное кресло. Сколько там на часах? Восемь утра… Еще спать и спать. Но что-то не давало мне покоя.

Детский плач. Я был уверен, что слышал его не только во сне.

Фигня.

Глубоко вздохнул. Лёг и заставил себя закрыть глаза.

«Нервы. Всего лишь нервы»

Едва легкая дремота опять начала туманить мысли, я подскочил, как ужаленный. Прислушался. Только равномерное похрапывание Димыча. Но всего пару секунд назад где-то поблизости плакал ребенок! Так явственно, что мороз по коже!

– Лена, – негромко спросил я, глядя в звездный потолок, – Кроме нас троих… здесь еще кто-нибудь есть?

– Есть, – отозвался звездолет без всякой паузы – так, словно он ждал вопроса, – Кроме вас троих, есть я. Просто-Лена всегда с вами – днем и ночью.

Тьфу ты.

– Это ты… плакала? – глупость конечно. С чего бы ей плакать. Разве что, о своей нелегкой женской судьбе: летала по всей Вселенной, и горя не знала, пока не досталась в руки троим тупоголовым землянам. Которые даже не могут самостоятельно задать координаты родной планеты.

В этот раз Голосок звездолета был слегка озадачен:

– Просто-Лена не плакала. Но если вы захотите…

– Нет– нет, – торопливо махнул я рукой.

Да. Фигня какая-то…

Едва отъехали от Земли на сотню-другую световых лет, как начались галлюцинации. Что там советовал в таких случаях мой знакомый санитар психбольницы? Выпить брому и до приезда спецмедбригады приковать себя к батарее?

– Ты тоже слышал?

Я вздрогнул, оборачиваясь. Васька смотрел на меня пристальным немигающим взглядом. Ого, в кампании психов пополнение!

– Что ты имеешь в виду? – спросил я осторожно.

– То самое…

Пару секунд мы озадаченно молчали. А Димыч как ни в чем ни бывало продолжал храпеть. На нем вся эта чертовщина никак не сказывалась.

Наконец, мысли в моей голове приняли более менее стройный вид:

– Обычно, каждый наслаждается своими галлюцинациями в одиночку…

– Значит это не галлюцинация, – кивнул Васька.

– Да? А почему тогда Дима по-прежнему дрыхнет?

– А ты не знаешь Диму? У него – железные рефлексы. Реагирует только на будильник.

Я с завистью оглянулся на Капустина:

– Странно, что Ленка тоже ничего не просекает.

– А может она врет?

– Компьютеры не врут. Компьютеры или «зависают», или «глючат».

– А может это очень совершенный компьютер!

– Ну да… Со специально разработанным алгоритмом вранья.

Васька почесал затылок:

– Не знаю. Но я, лично, верю в развитие электроники! И поэтому, предлагаю обследовать корабль.

– Давно пора. Почему-то мне кажется, нас будут ждать сюрпризы, – я зевнул и глянул на вечную ночь над головой. Только в этот момент по-настоящему осознал, что рассвета, по крайней мере, в ближайшие месяцы, не предвидится.

– Гады… – пробормотал я в сердцах.

– Гады, – согласился Васька, даже не уточняя, о ком речь.

Мы воспользовались местными чудесами сантехники, а затем приступили.

Диму будить не стали. После инцидента с инопланетным харчем, и я, и Васька чувствовали себя слегка… как это говорят самураи? Ага, «потерявшими лицо». Лица надо было срочно восстанавливать. В конце-концов, что сложного в том, чтобы прочесать какую-то там летающую посудину. Это ж не «зайцев» в троллейбусе отлавливать – можно обойтись и без взвода омоновцев.

Конечно, ничего не стоило затребовать у Ленки данные по всем отсекам. Только, хрен его знает, каких распоряжений успели надавать ей инопланетные «кидалы». Что если она до сих пор их выполняет? И старательно вешает нам лапшу. Лучше уж всё увидеть собственными глазами и ощупать собственными руками.

– Ну и топология здесь! – снова восхитился я, когда мы выбрались в коридор.

– Кто? – не понял Васька. Вообще-то он парень умный, но четыре года в бизнесе плохо на него повлияли.

– Говорю, те умельцы, которые делали Ленку, могут вытворять с пространством, всё что угодно. Центральная рубка явно находится над Большим залом. А тем не менее, двери выходят в один и тот же коридор.

– Это точно, – кивнул Васька, – Не говоря уже о том, что снаружи эта посудина кажется раз в пять меньше.

Мы двинулись по единственному коридору, опоясывавшему центральную часть «тарелки». Процедура «зачистки» проходила вполне мирно. Добросовестная Лена выделяла матовым свечением каждый новый отсек. Стена проседала, гостеприимно распахиваясь, и мы с Васькой заглядывали внутрь, придирчиво изучая содержимое.

Большинство просторных помещений оказались абсолютно пустыми. Как объяснила Лена, их можно было использовать и для складирования грузов, и для размещения пассажиров.

Только в трех обследованных отсеках, до самого потолка, стояли какие-то прямоугольные контейнеры. В одном, по словам Ленки, находились пищевые концентраты, изготовленные на планете с труднопроизносимым названием. И совершенно непригодные для земных желудков. Во втором – «синтезаторы одежды» и кой-какие потребительские товары. Несмотря на богатый словарный запас, почерпнутый из наших мозгов в ходе сканирования, Ленка так и не смогла объяснить, что же там такое. Звучало это как «кульвураторы для прозибакции атродаксов».

Мы открыли первый попавшийся контейнер. Внутри – нечто среднее между пылесосом и полуведёрной клизмой.

– Наверное, полезная вещица, – заметил Васька не слишком уверенно.

– Ага, – кивнул я, – Для прозибакции – в самый раз.

– Ну, если загнать их по-дешевке, – Лубенчиков мечтательно глянул куда-то в потолок, – Скажем за…

– Только сначала придется отыскать этих самых атродаксов, – оборвал я васькины мечтания.

В третьем отсеке были «ампуразивные бибрикоксы многоразового применения».

– И для чего их применяют? – допытывался Лубенчиков у звездолета.

– Для инсервации вакерпупсов, – ответила Лена без малейших колебаний.

– Все ясно, – кивнули мы с Васькой и не стали вдаваться в дальнейшие подробности. Открывать контейнеры тоже не стали. Решили, что в ближайшее время прекрасно обойдёмся без бибрикоксов и прочих предметов инопланетной роскоши.

Следующие несколько отсеков – пустые. Оставалось проверить еще штук шесть, когда стена очередного помещения тревожно замигала красным.

– Внимание! – в голосе Лены прорезались тревожные нотки, – Внимание! Отсек Полной Изоляции! Отсек Полной Изоляции!

– Да не ори ты, – поморщился Васька, – Со слухом у нас нормально. И так ясно – местное КПЗ. Открывай!

– Возможна биологическая угроза! – ничуть не понижая голоса, заявил звездолет. И дверь не открыл.

Такое неповиновение было удивительно. Васька даже присвистнул:

– Эй ты, калькулятор-переросток! На кого шары гонишь?!

Я почесал затылок: зря подымать переполох Ленка не будет. И спросил:

– Что внутри?

– Информация удалена.

Ясно. Опять козни прежних хозяев.

– Ну, а показать-то ты можешь?

– Невозможно. Сенсоры и анализаторы внутри отсека блокированы. Внесистемная блокировка. Снять не удается.

Мы переглянулись с Васькой. Оба подумали об одном и том же. Жалобный детский голосок, ворвавшийся в наши сны.

– Это действительно была не галлюцинация! – прикусил губу Лубенчиков.

Я кивнул. В любой бульварной газете хватает историй о похищениях людей зловредными «зелеными человечками». Теперь-то мы на собственном опыте знали, что иногда бульварные газеты пишут чистую правду. Гадские инопланетные «кидалы» успели порезвиться на Земле еще до встречи с нами!

– Открывай! – в один голос потребовали мы у Ленки.

– Возможна биологическая угроза! – не унимался звездолет.

– Если не откроешь, я сам стану такой угрозой! – пообещал Васька.

И Ленка с обреченной интонацией спросила:

– Это приказ?

– Разумеется, – нетерпеливо кивнули мы.

Мигавшая красным стена просела в стороны, освобождая вход.

– Первый контур защиты деактивирован, – прокоментировал звездолет.

Мы вошли в небольшую и совершенно пустую комнату.

– Деактивировать Второй контур? – как мне показалось, с робкой надеждой уточнила Ленка. Но мы не собирались отступать:

– Снимай на фиг всю эту защиту!

– Выполняю, – мрачно отозвался звездолет.

Последняя стена оказалась прозрачной. Едва мы увидели то, что было за ней, сердце у меня ёкнуло и болезненно сжалось.

– Последний контур… – начала было Ленка и тут же заткнулась, потому что мы с Васькой хором рявкнули что-то угрожающе-свирепое.

Прозрачная стена растаяла, и Лубенчиков осторожно коснулся плеча мальчугана лет семи, робко сжавшегося в углу отсека:

– Не бойся, малыш… Этих инопланетных уродов больше нет.

– Плохие дядя слиняли, – подтвердил я.

Мальчуган поднял на нас заплаканные глаза:

– Я так устал быть один.

– Ну, теперь ты не один, – улыбнулись мы с Васькой, – Теперь у нас на «тарелке» даже многолюдно.

– Ага, – хихикнул кто-то сзади, – Почти как в переполненном троллейбусе.

Мы оглянулись – заспанный Димыч на пороге Изоляционного отсека зевал и почесывался.

– Они так долго держали меня здесь… – всхлипнул малыш, – Они были плохие…

– Можешь не объяснять, – кивнул Васька, – Полные уроды. Уж мы-то знаем…

– Слушайте, – спохватился я, – А ведь он, наверное, голодный!

– Есть хочешь? – улыбнулся Васька, склоняясь над мальчишкой.

– Да ясное дело, хочет, – снова зевнул Димыч, – Я и сам хочу. Задаете дурацкие вопросы и бродите неизвестно где. Давно пора завтракать.

– Черствый ты человек, Капустин, – укоризненно заметил Васька, подхватывая малыша на руки, – Ты вчера недельную норму пайка сожрал, а он взаперти сидел…

Уже вчетвером, мы покинули Изоляционный отсек и направились в Центральную Рубку. Решено было и впредь использовать её в качестве столовой.

По дороге Васька пытался разлекать мальчика анекдотами. Но поскольку те, что он знал, были в основном нецензурные, анекдоты в Васькином исполнении обрывались где-то на первой фразе. Малыш смотрел на него большими пытливыми глазами и бормотал, как тяжело быть одному. Похоже, он всё еще был в шоке. Ничего, оклемается. Худшее позади. А мы приобрели нового члена экипажа.

Вроде полный порядок.

Но что-то тревожным червячком ворочалось внутри, не давая мне расслабиться. Как мы могли услышать детский плач через все эти контуры защиты? Поневоле начнешь верить в телепатию!

Глава 5

Не задавая лишних вопросов, звездолет уже вырастил из пола Центральной Рубки дополнительное кресло – на более длинной ножке и меньших габаритов – специально по фигуре ребенка.

Васька усадил малыша. И, пока Димыч с уверенностью ресторанного завсегдатая заказывал Ленке завтрак, мы с Лубенчиковым мягко пытались добиться от ребенка хоть каких-то подробностей:

– Как тебя зовут?

Малыш улыбнулся чуть виновато и промолчал. «Бедняга,»– подумал я, – «Видно нелегко ему пришлось.»

– Вот меня, например, зовут Вася… – терпеливо продолжал Лубенчиков.

– Вася! – повторил ребенок со счастливой улыбкой.

– Тебя тоже зовут Вася? – искренне обрадовался Лубенчиков.

Малыш с готовностью кивнул.

– А меня – Лёха, – представился я.

– Лёха! – радостно повторил ребенок, и даже заёрзал в кресле от возбуждения, – Я тоже – Лёха!

Мы с Васькой озадаченно переглянулись.

– Они были плохие, – весело сказал малыш, – Держали меня взаперти. Не хотели знакомиться. Вы хорошие. Давайте знакомиться!

– А мы чем занимаемся? – недоумевающе буркнул Васька и указал на Капустина:

– Это – Димыч… Дима.

– Дима! – радостно завопил малыш.

Все таки, новый член экипажа вел себя странновато. Наверное, сказывалось душевное потрясение.

– Хватит болтать, – вмешался бесцеремонный Капустин, – Садитесь, пока еда не разбежалась!

Тут он, конечно, слегка преувеличивал.

Мы с Васькой разместились за столом по левую и правую руку от малыша. Димыч тут же пододвинул ему несколько раскрытых пищевых контейнеров и высокую коробочку со специальным круглым раструбом для питья – внутри была жидкость, смутно напоминающая апельсиновый сок:

– Пробуй, не бойся. Это всё вкусно.

Малыш широко улыбнулся и, тут же, прямо пригоршней зачерпнул зеленоватых шариков с грибным вкусом. Пока он с интересом разглядывал шарики, соус капал с его руки на стол и на вылинялые штанишки, где, впрочем, уже и так красовалось розовое пятно.

Васька дипломатично кашлянул и пододвинул ребенку вилку, давая понять, что воспитанные дети обычно используют эту штуковину.

Малыш благодарно кивнул, схватил вилку и… откусил половину. Как следует прожевал. В наступившей гробовой тишине отчётливо слышался хруст и скрежет нержавеющей стали. А малыш безмятежным взглядом окинул наши перекошенные физиономии и… проглотил остатки вилки.

– Ребята, – слабо сказал Лубенчиков, – Кажется, парень любит острое…

– Я больше люблю органику, – спокойно пояснил малыш, откладывая недожеванный кусок металла. Взял коробочку с грибными шариками и высыпал содержимое в рот. Проглотил, на этот раз даже не пережевывая, и снова одарил нас обворожительной улыбкой:

– Органика это хорошо!

– Да уж, – торопливо согласились мы, отодвигаясь как можно дальше и пытаясь потихонечку выбраться из-за стола.

Малыш тем временем слопал коробочку. Ещё две, вместе с содержимым, захрустели, исчезая где-то внутри детского организма.

Лубенчиков, с застывшей физиономией, глянул в сторону дверей. Димыч чуть кивнул.

А ребёнок прекратил трапезу, вытаращился на нас и вдруг радостно объявил:

– Но больше всего я люблю живую органику!

Детские ручонки потянулись в нашу сторону. Стремительно вырастая в длину.

Васька перекувыркнулся в кресле, вылетая на пол, не хуже заправского акробата, Димыч сиганул из-за стола, словно ошпаренное кенгуру. Я сам… не помню как, оказался вдруг в коридоре.

– Куда же вы? – донесся вслед обиженный тонкий голосок, – Давайте знакомиться!

– Ленка, закрывай двери! – истошно заорали мы, едва Васька последним вылетел из Центральной Рубки.

– Что это было? – выдавил Лубенчиков, слегка переведя дыхание.

– Маленький мальчик попал в звездолет – больше в «тарелке» никто не живет, – криво усмехнулся бледный Димыч.

– Ленка, живо выкладывай информацию! – потребовал я, чуть успокоив бешено колотившееся сердце.

– И так ясно… Сюрприз от прежних хозяев, – нахмурился Капустин.

– Информация удалена, – виновато отозвался звездолет, – Вероятная биологическая угроза.

– Ну, на счет этого мы уже догадались, – заметил Димыч, – А можно конкретнее?

– Идет обработка данных, – пояснила Лена. В голосе её была искренняя озабоченность. Не нравится мне, когда бортовые компьютеры настолько озабочены! Компьютерам положено жизнерадостно рапортовать о том, что все проблемы будут устранены.

Стена коридора в том месте, где обычно возникал дверной проем, вдруг замигала красным.

– Внимание! Угроза проникновения агрессивного биологического объекта!

– Что? – ошалело заморгали мы, – *Оно* и через стену просачивается?!

Час от часу не легче!

Мы бросились по коридору и заперлись в большом зале. Куда отступать дальше? В космос?

– Ленка! – в голосе Васьки прорезалась решительность, – Имеется на борту оружие?

– Имеется…

Мы переглянулись: уже кое-что!

– …но в целях безопасности экипажа и оборудования оружие не активируется внутри корабля.

Приехали называется!

– Да? А если кое-кто собирается позавтракать экипажем? – уныло спросил Васька.

– На всем оружие установлена автоматическая блокировка, – пояснила Лена с искренней озабоченностью в голосе, – Не разрушая оружия, снять блокировку невозможно.

– Надо же, какая совершенная техника, – ядовито усмехнулся Димыч, – Слушай, уважаемая… у тебя ведь должны быть какие-то стандартные алгоритмы в подобных ситуациях?

– Стандартный алгоритм – содержать потенциально опасный объект в Отсеке Полной Изоляции, – ответил звездолет чуть укоризненно.

Мы с Васькой молча переглянулись и Лубенчиков выругался вполголоса. Сами виноваты! Нас же предупреждали, идиотов. На будущее, никогда не буду спорить с электроникой! Даже с «Виндой» на собственном «компе»! Если я, конечно, когда-нибудь до него доберусь…

– На всех порядочных «тарелках» есть бластеры! А нам всучили утиль! – бормотал Васька, нервно расхаживая взад-вперед.

– Ну их на фиг, эти бластеры, – отозвался хмурый Димыч, – Нам бы чего проще… Без всех этих автоматических блокировок.

И тут меня осенило!

– Ленка! У тебя есть что-нибудь… не оружие, а то что можно использовать для… физического воздействия!

– Имеются плазменные резаки…

– Годится!

– …но внутри корабля они тоже не активируются.

– А что-нибудь еще проще? Без всякой автоматики?

– Есть.

– Так что же ты молчала, дубина! – заорал Васька, – Немедленно тащи сюда!

– Исполняю.

В радостном возбуждении мы склонились над выраставшим из пола бутоном. Бутон раскрылся и… ликующие вопли захлебнулись, так и не вырвавшись из наших глоток.

Внутри лежали три здоровенных, очень внушительных на вид мухобойки. По-крайней мере, так эти предметы выглядели.

– Серьезная вещь, – мрачно ухмыльнувшись, заметил Димыч, поднимая одну, – Сработана на совесть, с художественным вкусом… Но главное – бьет наповал.

А я, уже не стесняясь Ленки, произнес одну короткую, но чрезвычайно емкую по смыслу фразу.

Наше дело было дрянь. Пожалуй, хуже того случая, когда Васька втянул нас в торговлю гербалайфом.

На целых две минуты воцарилось мрачное молчание.

– А может они с антигравитационным приводом! – выпалил наконец, не желавший сдаваться Лубенчиков. И в безумной надежде завертел мухобойку в руках. Наверное, пытался отыскать ту заветную кнопку, которой этот самый привод включается.

Я не пытался его останавливать. Я прекрасно его понимал. Так неприятно, ждать завтрака, когда знаешь, что ты сам будешь главным блюдом. Точнее, одним из трех главных блюд… Тьфу-ты, дурацкие мысли лезут в голову!

Стена, на месте прохода, через который мы недавно вбежали, зловеще мигнула красноватыми вспышками. А Ленка опять задолдонила свое мрачное:

– Угроза проникновения агрессивного биологического объекта!

Оно не унималось. После долгого одиночества, *оно* страстно желало попасть в нашу кампанию.

Что ж, если нет ничего другого – обойдемся мухобойками. Во всяком случае, эта тварь не раз поперхнётся во время предстоящего завтрака.

Но торопиться к столу тоже не хотелось. Крепко сжав рукоятки мухобоек, мы помчались к дальнему выходу из зала.

В коридоре было пусто. Пока что, *оно* было занято дверью. И значит наше бренное существование продлевалось.

– Что делать будем? – хмуро вздохнул Васька, – У кого нибудь есть свежие мысли?

– Может попробуем с ним поговорить? – насупился Димыч, – *Оно* явно разумное. И кстати, вполне сносно понимает русский язык…

– Да. Небось, прежние хозяева научили, – скривился Лубенчиков, – Собирались сбросить *его* на Москву. Вместо нейтронной бомбы.

– А вдруг удастся с ним поладить? Объясним, как нехорошо есть братьев по разуму…

– Ага, – кивнул Лубенчиков, – Вот иди сам и объясняй.

Капустин кашлянул и почесал нос рукояткой мухобойки:

– Боюсь, что у меня не хватит педагогического таланта.

– Макаренко недоделанный, – буркнул Васька.

– Надо спрятаться, – предложил я, – В какой-нибудь из отсеков.

– И что это даст? – пожал плечами Лубенчиков.

– Ну, по крайней мере *оно* не сразу нас найдет.

– Ага, походит по «тарелке» туда-сюда, как раз нагуляет аппетит… – вставил Дима.

– Ты-то что предлагаешь? – огрызнулся я, – Вести с ним беседы о вкусной и здоровой пище?

– Ребята, а я знаю, где *оно* нас не достанет! – вдруг просиял Васька.

– Где, в космосе что ли?

– Раскиньте мозгами остолопы! На корабле есть только одно такое место!

Мы с Димычем переглянулись: а ведь и Васька иногда высказывает здравые мысли!

В следующую секунду мы уже мчались в сторону Отсека Полной Изоляции.

А еще через несколько секунд застыли как вкопанные. Румяный симпатичный малыш вышел из-за поворота коридора, как раз между нами и Отсеком, и приветливо помахал рукой:

– Давайте знакомиться! Давайте дружить!

Он был весь сплошное обаяние, способное растопить даже самую черствую душу. Например, душу какого-нибудь детского писателя. Но мы детских книжек не писали, поэтому начали тихо пятиться назад.

Малыш улыбнулся, очень широко, так что даже голова его стала раза в полтора больше. Тонким голоском нежно пропел:

– Я люблю живую органику! Сильно-сильно люблю!

И двинулся в нашу сторону, попутно увеличиваясь в размерах. Должно быть наша кормежка пошла ему впрок.

– Не спеши, малыш, – ласковым, хотя и дрожащим голосом, начал Димыч, продолжая отступать по коридору, – Давай сначала поговорим.

– Давай! – обрадовался мальчуган.

– Ты ведь разумное существо…

– Да, – кивнул «ребёнок», – Я очень люблю разумных существ.

Он уже вырос раза в два, правда слегка непропорционально: огромная голова все еще держалась на тонкой детской шейке.

– Ты ведь не сделаешь нам ничего плохого? – с робкой надеждой поинтересовался Димыч.

– Я не сделаю ничего плохого, – подтвердил мальчуган.

– Вот и хорошо, – обрадовался Капустин, – Чувствую, что мы подружимся…

– Мы познакомимся и подружимся, – закивал малыш, – Наши разумы будут вместе.

Димыч торжествующе подмигнул мне и Ваське: «Видите, а вы боялись! Всегда можно договориться!»

– Наши разумы будут вместе, – улыбнулось *оно* и уточнило ангельским тоном, – А вашу живую органику мы используем для своих оболочек.

Капустин поперхнулся, стремительно бледнея и торопливо отступил назад. Расставаться с собственной, можно сказать родной, органикой ради какого-то единения разумов – очень сомнительная затея. В этом мы трое были единодушны.

С другой стороны, всё запросто могло произойти и без нашего желания.

Предчувствуя это, Васька выронил мухобойку и зачем-то стал рыться в карманах. Что он там хочет найти? Парочку гранат Ф-1? Не знаю, хватило бы этого или нет. Полное взаимопонимание иногда требует очень весомых аргументов.

– Я всегда использую живую органику для оболочек. Это очень хорошо, – продолжал малыш с таким выражением, словно рассказывал стихотворение на детском утреннике, – Если у меня будут хорошие оболочки, я смогу принимать любую форму.

И, в доказательство, немедленно превратился в здоровенную, больше двух метров ростом, карикатурную копию Димыча.

– Не похож, – продолжая отступать, хмуро заметил Капустин. Судя по голосу, желания общаться с братьями по разуму у него заметно поубавилось.

– Не надо бояться, – с легкой укоризной сказало *существо.* Вернулось к первоначальному облику ребенка-переростка и сделало пару шагов в нашу сторону.

– Это будет хорошо и приятно… – добавило *оно* почти тем же тоном, с каким во времена перестройки рассказывали о приватизации молодые реформаторы. В общем, и до самой тупой органики должно было дойти, *насколько* приятная процедура нас ждёт.

– Малыш, ты зря торопишься, – заискивающе улыбнулся я. И махнул товарищам рукой: дескать, сваливайте, пока я ему зубы заговариваю!

– Разве вы не хотите познать новые ощущения? – искренне удивилось *существо*, – Это так прекрасно, освободиться от старых оболочек…

– Заманчивое предложение, – засмеялся я чуть фальшиво, – Мы его обязательно рассмотрим.

И торопливой скороговоркой продолжил:

– А пока, мы могли бы рассказать тебе столько интересного. Мы знаем множество удивительных историй… Давным-давно, в далёкой галактике… э-э… ехал Василий Иванович с Петькой на «мерседесе»…

– Лёха, я понял! – радостно выпалил малыш, – Ты хочешь быть первым?! С удовольствием возьму всю твою информацию!

«Кто меня, идиота, за язык тянул?»

Я слегка попятился.

А Васька перестал рыться в карманах и шагнул вперед. В руках его была голубая коробочка. Та самая. Вот, что он искал!

Мы с Димычем затаили дыхание. Если туда помещался шкаф вместе с Капустиным, должно же туда влезть и *это*! Лубенчиков направил коробочку в сторону малыша, нажал пальцем углубление на её поверхности и… ничего.

В смысле, ничего хорошего. Мальчуган, продолжая ласково улыбаться, шел к нам.

– Дьявол, не работает! – застонал Васька, напрасно встряхивая коробочку.

Результатом всех его усилий было материализовавшееся ведро с картофельными очистками. Ведро мальчуган проигнорировал. Неудивительно. Мы, трое, выглядели куда аппетитней очисток.

Мгновенно удлинившаяся рука «ребёнка» со стремительностью змеиного броска просвистела в сторону Васьки. Лубенчиков рухнул на пол, едва успев увернуться. Мальчуган звонко расхохотался, втягивая назад руку. Похоже, игра ему нравилась.

Мы с Димычем слегка растерялись. Пускать в ход единственное оружие, мухобойки, или улепетывать со всех ног? В общем, на нас напал столбняк. Скажете, что на вас бы не напал?

А *существо* шагнуло к Ваське. Во взгляде инопланетного создания читалась искренняя, неподдельная радость. *Оно* ведь, правда, не собиралось причинять нам вреда. Даже наоборот. И то, что мы вовсе не горели желанием «слиться разумами», вероятно казалось ему частью забавной игры. Чем-то вроде «догонялок».

В общем: «Кто не спрятался – я не виноват!»

Когда до Васьки было метра два, здоровенная детская ножка в здоровенном сандалике задела мусорное ведро. Ведро опрокинулось и малыш-переросток замер, восторженно выпучив огромные, как блюдца глаза. Из груды картофельных очистков выбралось несколько упитанных, откормленных на лубенчиковских харчах тараканов.

Оно таращилось на них, не мигая.

Васька воспользовался моментом и торопливо ретировался.

– Не могли бы вы отойти еще немного, – вежливо попросила Лена. Особых уговоров не потребовалось и звездолет немедленно вырастил между нами и *существом* внушительную на вид стену.

– Надолго это его задержит? – спросил Димыч.

– Минут на пять, – честно призналась Лена.

Мы переглянулись. Капустин тяжело вздохнул:

– Что-то вроде спасательной капсулы у тебя имеется?

– Имеется.

– Погодите, – вмешался Васька, – Это ведь не решение проблемы. Ленка, насколько хватит жизнеобеспечения в капсуле?

– Семь-восемь дней. Если в режиме анабиоза – около трех недель.

– Вот видите.

– А ты что предлагаешь? – криво усмехнулся Димыч, – Остаться на завтрак?

Васька отмахнулся и содрав с себя куртку, швырнул её под ноги. Вдавил пальцем углубление на поверхности «волшебной» коробочки. Куртка исчезла. Нажал еще – куртка появилась.

– Ведь работает же! Работает, мать её! – в сердцах выругался Лубенчиков, – Почему же на этого гада не действует!

– Согласно предварительной обработке данных, – вдруг подала голос Ленка, – агрессивный биологический объект генерирует собственное защитное поле…

– Ну и?..

– Защитное поле экранирует объект от воздействия грузоукладчика.

Грузоукладчик? Это что, наша «волшебная» коробочка так прозаически именуется?

– А нельзя как-то нейтрализовать это чертово поле?

– Чтобы снизить интенсивность поля, надо разрушить внешние оболочки объекта.

– И чем же, интересно, мы их разрушим? – скривился Димыч, – Вот этим? Он выразительно взмахнул мухобойкой и в сердцах швырнул её на пол. Да уж, самое подходящее оружие для борьбы с инопланетными монстрами.

– Погодите! – воскликнул Васька, – Есть мысль.

Мы уставились на него с недоверчивой надеждой.

– Ленка, убирай стену!

– Лубенчиков, ты спятил! Ленка не слушай его!

– Это наш единственный шанс! – сурово объявил Васька и поднял с пола мухобойку Димыча, так будто она превратилась по крайней мере в АК-47.

В конце-концов, мы махнули рукой и отступили подальше.

– Ленка, готовь спасательную капсулу! – приказал Капустин. Если у Васьки не получится – будем линять с корабля.

– Что за фигня пришла ему в голову? – прошептал Димыч, не спуская глаз с напряженно замершей спины Лубенчикова.

– Не переживай. Самое интересное без нас не начнут, – криво ухмыльнулся я, наблюдая как расступается отделявшая нас от *существа* преграда.

Малыш сидел на полу, рядом с опрокинутым ведром и, блаженно улыбаясь, разглядывал что-то зажатое в кулаке. Если не считать некоторой непропорциональности в фигуре, он выглядел самым обыкновенным, хотя и увеличенным до двухметрового роста, ребенком.

Васька перешагнул через остатки таявшей стены и приветливо помахал рукой.

Мальчуган повернул голову и, расжимая громадный кулак, радостно пробубнил:

– Какое совершенное существо!

«Это он про Лубенчикова?»– поразился я, но потом разглядел на ладони малыша жирного таракана.

– Его оболочки намного совершеннее ваших, – пояснил малыш, – Таким, как он, могла бы принадлежать Вселенная.

– Ну, если во всей Вселенной не выносить мусор… – шепнул Димыч.

– Ты совершенно прав, – изрек Васька, только он имел в виду не Димыча, а малыша, – Эти восхитительные создания безусловно венец эволюционного развития. Именно так говорил один величайший мудрец нашей планеты.

– Про кого это он? – удивился Капустин, – Про Дарвина, что ли?

– Какого там Дарвина, – отмахнулся я, – Про Головачева, конечно!

Мальчуган даже привстал от возбуждения:

– Оказывается, ваша раса тоже много думает о совершенстве! Я так хотел бы познакомиться с этим мудрецом!

– Это можно устроить, – кивнул Васька.

– Да уж, – нервно хихикнул Димыч, – Кое-кому это пошло бы на пользу!

– Мы решили согласиться на твое предложение, – ровным голосом убедительно соврал Васька, – Мы решили отказаться от своих устарелых оболочек. Ради дальнейшего познания наши ограниченные разумы сольются с твоим.

– Ну не надо обобщать, понимаешь, не такие уж и ограниченные, – заметил Капустин.

– Это по сравнению с тараканами, – шепотом объяснил я.

– Я знал, что вы хорошие! – радостно выпалил малыш, вскакивая с пола.

– Ты сможешь добраться до планеты, где полным-полно вкусной живой органики, – продолжал рисовать радужные переспективы Васька.

– Здорово-здорово! – мальчуган захлопал в громадные ладоши.

– Но сначала мы должны узнать кое-что, – слегка умерил его пыл Лубенчиков.

Малыш замер с открытым ртом.

– Ты ведь говорил, что можешь принимать любую форму?

Существо медленно кивнуло.

– Мы должны быть уверены, что наши разумы попадут… э-э… в хорошие руки, – кашлянул Васька, – Докажи, что ты достоин!

Мальчуган вытаращил глаза-блюдца.

– Ты уже принимал облик одного нас. Но этого мало! Ты ведь сам говорил, насколько мы несовершенны. Не так уж и сложно изобразить форму примитивного существа.

– Это я-то примитивное существо?! – шепотом возмутился Димыч. Я двинул его локтем в бок. Момент был слишком ответственный.

– Намного труднее превратиться в существо совершенное, – елейным тоном заметил Лубенчиков.

– Какую совершенную форму мне надо принять? – нетерпеливо перебил мальчуган, все еще не чуя подвоха.

– Вот эту, – хладнокровно пояснил Васька, указывая на упитанного таракана.

Мы с Димычем замерли. Лишь бы сработало! Если всё выгорит, Лубенчиков – гений! От волнения у меня даже засвербило в носу и я торопливо зажал его ладонью. «Ну же! Ну!»

Существо смотрело влюбленным взглядом на проползавшего, будто в замедленной киносъемке, таракана. Пальцы Лубенчикова до белизны костяшек сжимали рукоятку мухобойки. Секунды вязкие и густые, словно консервированные сливки, тянулись невыносимо, омерзительно долго…

И вдруг ужасная мысль продрала меня холодным ознобом. Я вспомнил, где видел раньше этого мальчугана в вылинялых штанишках!

Три года назад, когда был у родственников в деревне! Именно этот стервец удирал от нашего соседа деда Ивана, после того как дед застукал его в своем малиннике. Быстрый парнишка… С легкостью он увернулся от длинной хворостины и перескочил плетень. Только пятки засверкали. Дед Иван – сам далеко не сахар и его малины мне не было особенно жалко. Но мальчугана я еще долго помнил. А потом забыл.

Вот что не давало мне покоя, с того самого момента, когда мы заглянули в Изоляционный отсек! Этот любитель чужой органики извлек любителя чужих ягод из моей памяти! Извлек со всеми подробностями, включая пятнышко от малины на штанах.

Но ведь, если он выудил это из моих мозгов – что мешает ему ясно, будто в книге, прочитать нехитрый васькин замысел?!

– Мне нравится. Я приму эту форму, – сказал мальчуган. И улыбнулся. Так искренне и простодушно, что на какую-то долю секунды мне стало совестно. Но лишь на долю.

А потом он начал превращаться. И заняло это меньше, чем полминуты. Но стало ли от этого легче? Вместо малыша мы действительно получили таракана.

Двухметрового таракана.

Лубенчиков растерянно тряс мухобойкой. Похоже, ему и в голову не мог прийти такой оборот.

Только Димыч не растерялся:

– Колоссально! – заорал он в неподдельном восхищении, – Сходство полное. Но должен заметить, что кое-чего не хватает. Размер! Размер тоже имеет значение! Это я по собственному опыту, знаю!

– По какому интересно? – уточнил ошалевший Васька, не спуская глаз с громадного таракана.

– Неважно. Слишком мало – бывает плохо. Но и слишком много – тоже не то. Во всем надо стремиться к совершенству!

– Ты говоришь хорошо, – донесся тонкий скрипучий голосок. В результате метаморфозы, у *существа* изменилось произношение, но не мировоззрение:

– Совершенство – это хорошо. Надо сделать совершенство!

И *оно* снова начало меняться.

В этот раз с размерами был полный порядок.

Жаль, мы забыли одну очевидную вещь. Закон сохранения массы. Масса отдельного таракана действительно уменьшилась.

Зато количество…

Такого количества я не видел даже в общаге физтеха! Настоящий кошмар санэпидстанции!

Тут уж у Васьки лопнуло терпение. С бешеным боевым кличем, он подпрыгнул и приземлился в центре коричневой шевелящейся кучи. Остервенело замолотил подошвами кроссовок и едва не свалился, когда куча подалась в стороны.

– Держись, Васёк! – мы с Димычем уже спешили на подмогу, сотнями размазывая мелких врагов.

Сначала результаты нашей бурной активности были не слишком заметны. Здорово помогло то, что тараканы не собирались разбегаться по всей «тарелке» – все таки они были частями единого организма. И эти части, то там, то здесь пытались собраться вместе – наверное, *существо* хотело набрать массу для обратной метаморфозы.

Эти попытки мы пресекали в корне.

Спустя минут пятнадцать всё было кончено.

Мы сами не верили своей победе. Честное слово! Ни одна служба санитарного контроля не добивалась таких успехов за столь короткое время!

– Ненавижу насекомых! – сказал Лубенчиков, переводя дух.

– Зачем обобщать, – улыбнулся я, вытирая пот, – Есть ведь и божьи коровки…

– Э-э-э! – заорал вдруг Димыч, указывая куда-то за нашими спинами.

– Что значит «э»? – спросили мы, оборачиваясь, и обнаружили, что раздавленная тараканья масса неумолимо стягивается в нечто большое и пока бесформенное. Во всяком случае, раздавить *это* можно было только с помощью кузнечного пресса. Праздновать победу слегка рановато.

– Сюрприз, – выдавил я.

– Внимание, враждебный организм способен к быстрой регенерации! – подала тревожный голосок Ленка.

– А чуть пораньше не могла предупредить? – скривился Димыч.

На этот раз Васька проявил завидное хладнокровие.

Мы с Капустиным и опомниться не успели, а голубая коробочка уже была в его руках. Его палец вдавил углубление на её поверхности – будто спусковой крючок оружия. Я мог бы поклясться – в эту секунду в глазах Васьки было то же выражение, что и у киношного супермена. В незабываемый момент, когда десяток пуль выбивают ошметки из вконец распоясавшегося злодея.

Правда, шума было куда меньше. С легким хлопком бесформенная коричневая масса исчезла из коридора и из нашей жизни. Оставив после себя лишь мутноватую лужицу и неизгладимые впечатления.

Целую минуту мы стояли, разглядывая эту лужицу. Первым нарушил молчание Димыч:

– Кажется, теперь всё.

Ленка не соврала. Пока *существо* не восстановило оболочки, *оно* не смогло противостоять нашему «грузоукладчику». Хорошо, что Васька успел в эти несколько мгновений. Иначе…

Думать о плохом не хотелось. Наши нервы и так уже были на пределе.

– Пошли выпьем… Из тех красных коробочек, – сказал Капустин, облизывая пересохшие губы.

– Погодите. Еще не всё, – сказал Васька и направился к Изоляционному Отсеку.

Уже на самом его пороге мы увидели одного единственного таракана. Живого. Может быть настоящего. А может и нет. Какая разница?

Васька занес мухобойку.

– Оказывается, вы – плохие дяди! – пропищал таракан.

– Не то слово, – сказал Лубенчиков, шваркая мухобойкой.

«Грузоукладчик» мы оставили в Отсеке Полной Изоляции. И это действительно было всё.

Глава 6

Несмотря на усталость, перво-наперво мы решили помыться и переодеться. Всем троим мерещилось, что по нам ползают тараканы. Ощущение не из приятных.

По такому случаю, Ленка пригласила нас в Комнату Отдыха.

Комната эта – лишь слегка меньше Большого Зала. И войти в неё можно из того же самого коридора. Просто невероятно, как всё это втискивалось в один и тот же ограниченный объем. Как если бы, входя в однокомнатную малогабаритную «хрущовку», вы оказывались в роскошных «ново-русских» аппартаментах.

К подобному – трудно привыкнуть.

Но в ту минуту мы не особенно восторгались чудесами пространственного дизайна.

Мы уже убедились – у всяких чудес бывает иногда не слишком приятная обратная сторона. А кроме того, мы здорово устали и искренне обрадовались, когда обнаружили посреди Комнаты Отдыха здоровенный круглый бассейн с бурлящей поверхностью.

На всякий случай, Васька уточнил:

– Это что кипяток?

Вероятно, запавшие в детскую память строки: «Бух в котел и там – сварился!» до сих пор волновали его воображение.

– Дубина ты! – радостно заорал Димыч, срывая с себя одежду, – Это ж джакузи! Гидромассаж! Да еще таких размеров, какие ни одному Брынцалову не снились!

– Откуда ты знаешь, – улыбнулся я, – Может и снились…

Мы бултыхнулись в воду и только тут в полной мере ощутили себя хозяевами роскошного звездолета класса «Эн». Плескались, брызгались, плавали. Ныряли и блаженно подставляли тела потокам теплой воды. Единственное, чего нам сейчас не хватало, так это женского общества. Мы бы не отказались от дюжины русалок. Без рыбьих хвостов, конечно. И не из тех, чье время измеряется в денежном эквиваленте.

Мечты, мечты…

– Поднять температуру воды? – спросила Ленка проникновенным глубоким голосом.

Я поморщился. Уж лучше бы она разговаривала хриплым мужским басом и отзывалась на кличку «Петрович». Поменьше было бы мучительных ассоциаций…

Чтобы как-то отвлечься, я решил поделиться своими наблюдениями. Рассказал товарищам историю мальчугана с ягодным пятном на вылинялых штанишках.

– Если *оно* излекло это из моей памяти, почему *оно* не смогло прочитать наши мысли? И купилось на «тараканье совершенство»?

– Слушай, – хлопнул ладонью по воде Димыч, – Да все понятно! Эта тварь лазит в чужие мозги во время сна. Вы ведь и детский голосок слышали только во сне!

– Да? А почему ты ничего не слышал? – спросил вынырнувший Васька.

– Не знаю, – честно развел руками Димыч.

И улыбнулся:

– Загадка мироздания.

– Феномен ноосферы, – согласился Васька. Плеснул водой в лицо Димычу и опять нырнул.

– Балбес, – благодушно сказал Капустин.

В нашем коллективе царила полная гармония.

«Кипящая» вода бассейна оказала благотворное действие. Смыла нашу усталость и пережитые потрясения. В результате, у всех троих обнаружился здоровый аппетит. Пора было возвращаться к прерванному завтраку.

Мы вылезли из бассейна и обсохли в потоках горячего воздуха.

Пока мы бултыхались, Ленка успела вычистить нашу одежду и обувь от следов тараканьего побоища. К тому времени, когда лениво потягиваясь после воздушного душа, мы оделись – накрытый стол и удобные кресла уже ждали нас здесь же, в Комнате Отдыха.

В общем, можно сказать, Ленка справлялась со всеми функциями идеальной жены. Разве что, кроме одной… Но уж это была не её вина.

Первое и второе – миновало почти без разговоров. Трудно разговаривать с полным ртом. Когда подошла очередь сладкого и темпы поглощения «органики» существенно снизились, Васька меланхолично заметил:

– А что это мы так скучно сидим?

Мы немедленно вскрыли еще по одной красной коробочке и Лубенчиков сказал тост:

– За победу!

А Димыч уточнил:

– За нашу победу!

Выпили и снова пожалели о малоградусности напитка. Васька предложил звездолету повысить крепость хотя бы до сорока градусов. Ленка категоричным тоном ответила, что содержание алкоголя свыше десяти процентов таит смертельную угрозу для наших организмов.

Трудно спорить с компьютером.

Впрочем, это нисколько не испортило нам настроения. Мы приняли еще трижды по три коробочки, компенсируя малоградусность количеством, и провозгласили тосты за Гагарина, за Землю и за Люка Скайвокера.

За Дарта Вейдера пить не стали.

– Не наш человек, – покачал головой Димыч, – И одевается как-то странно…

Вместо этого выпили за Дара Ветра и Туманность Андромеды.

– Кстати, а где она? – поинтересовался Васька.

Ленка сделала прозрачными потолок, пол и стены. Но Туманность мы так и не нашли. Димыч посетовал, что рисунок созвездий совсем изменился.

– А в конце-концов, бог с ней, с Андромедой, – махнул рукой Васька, – На звезды мы еще насмотримся. Ленка! Покажи лучше… кино! Должны ж были прежние хозяева как-то оттягиваться в свободное время.

И Ленка показала. Стереокино. Причем такое стерео, что даже дух захватило с непривычки. Наш стол парил в космосе, а под нами и над нами проносились сверкающие диски звездолетов. Так близко, что пару раз мы пригибали головы, вжимаясь в кресла.

Сверкали лучи лазерных пушек, несколько дисков рассыпалось огненными брызгами. Один – прямо над нашим столом. Васька едва не вывалился из кресла.

– Вот это спецэффекты! – заорал он радостно, когда обломки звездолета благополучно пролетели сквозь нас, – Вот это постановочка! Лукас отдыхает!

Чуть-погодя, выяснилось, что это кинохроника.

– Миротворческие силы Соединенных Планет нанесли полное поражение эскадрам Аркеи и вынудили их очистить сектора 3-12-20 и 3-12-21,– жизнерадостно вещал диктор.

Слушая его, попутно мы сделали еще одно открытие. Диктор-то вещал отнюдь не по-русски. Но мы его прекрасно понимали. Оказывается, во время сканирования Ленка не только «скачала» информацию из наших мозгов, но и записала туда кое-что полезное.

– На каком языке он говорит? – спросил Васька.

– Интерлингва, – ответил звездолет, адаптируя название к терминологии, устоявшейся в земных фантастических романах, – Галактический язык межпланетного и межрасового общения.

– Ага, то есть, сможем конкретно общаться с местными, – сказал Лубенчиков и смущенно улыбнулся. Неожиданно для самого себя, он произнес последнюю фразу на чужом языке.

Здорово! Язык вполне доступен для человеческого речевого аппарата. Теперь одной проблемой у нас будет меньше.

Но что делать с остальными проблемами? К которым, кажется добавились местные разборки. И та, и другая сторона вполне может принять нас за вражеских агентов. Ни одна контрразведка Галактики не поверит в нашу дурацкую историю. Я бы, например, ни за что не поверил.

Кстати, мы так ничего и не узнали о прежних хозяевах. Они-то за кого были? За Аркею или за Соединенные Планеты?

– Ленка, выдай нам всю информацию о своих прежних владельцах, – потребовал я, когда кинохроника кончилась.

– Информация удалена, – последовал вполне предсказуемый ответ.

– Старая песня, – кивнул Димыч, – Эти гады замели следы.

– И думаю, не столько от нас, сколько от кого-то посерьезнее, – заметил Васька.

– Да, – согласился я, – Кого-то они здорово боялись, если бросили корабль и сошли на Земле.

– Отсюда следует вывод, что корабль успел здорово засветиться, – почесал затылок Капустин.

– Точно! Его ищут! – хлопнул Васька по столу.

– Ага, ищут… А найдут нас, – скривился Димыч.

– Не знаю. Может это еще и не самый худший вариант, – заметил я, – Помните, Ленка рассказывала про какие-то Темные Области? Мы сейчас по уши сидим в такой вот Области. Леночка, сколько займет полет до ближайшей обитаемой планеты?

– Вопрос некорректен, – с легкой грустью констатировал звездолет, – В пределах Темных Зон – надпространственные переходы не стабильны. Частичная информация, содержащаяся в Лоциях – недостоверна.

– Ну, а хотя бы приблизительно, – допытывался Васька, – за сколько времени мы туда дотащимся? Расстояние ведь известно?

– Согласно Каталогу Миров, расстояние в абсолютных единицах, – сто семьдесят семь с половиной световых лет.

– Вот-вот! – кивнул Лубенчиков, – И если все нормально будет, сколько времени займет перелет? По минимуму?

– Минимум – три дня.

– Отлично! – просиял Васька, окидывая нас восторженным взглядом, – Видите, не всё так плохо! А максимум? Я имею в виду, если нам не повезет, максимум сколько придется туда пилять?

– Максимум – бесконечность.

Димыч присвистнул и наше настроение стало чуть менее безоблачным.

– И какова вероятность такого исхода? – спросил я.

– Около восьмидесяти процентов.

– М-да. Конкретно попали пацаны, – задумчиво вздохнул Васька.

Я глянул на звезды. Они были далекими. Такими же, чертовски далекими, какими казались с Земли. Зашвырнуло нас, хрен знает куда. А они не стали ближе. Пожалуй, мы еще успеем их возненавидеть. Если так и не сумеем приблизить.

– Ладно, сыграем в национальную игру, – вздохнул я. Товарищи скупо усмехнулись в ответ. В русскую рулетку шансов обычно больше. Но выбора нам не оставили.

– Лена! – начал Димыч, пытаясь ободрить нас подчеркнуто деловитым тоном, – Эта планетка. Ближайшая. Кому она принадлежит: Аркее или Соединенным Планетам?

– Уати-7 – нейтральная планета.

– О! Уже лучше, – ласково кивнул Димыч, – А теперь, Леночка, хорошенько подумай, и скажи, какие враги тебя преследуют?

Мы с Васькой улыбнулись. Капустину не хватало только белого халата. Точь в точь, психиатр, беседующий с трудным пациентом.

На целую минуту воцарилось молчание. «Трудный пациент» был не на шутку озадачен вопросом. Оно и понятно. Слишком уж основательно поработали над его памятью.

– Информация удалена, – наконец отозвалась Лена. Поразительно, но в голосе компьютера явственно читалось что-то вроде сомнения. Пожалуй, Димычу не стоит слишком давить на Ленку. Этак мы её до короткого замыкания доведем.

– А почему ты торопилась покинуть Землю? – продолжал сеанс психоанализа Капустин.

– Лена должна избегать длительных остановок. Враги знают её опознавательный код.

Димыч вздохнул, набираясь терпения:

– Кто эти враги? Аркея? Соединенные Планеты? Еще кто-нибудь?

– Информация удалена.

Мы переглянулись. С тем же успехом мы могли бы добиваться от Ленки подробностей Куликовской битвы.

– Хорошо, – кивнул Капустин, – Попробуем по-другому…

Он задумался и вдруг вскинул указательный палец:

– Назови свою планету приписки! У тебя, наверняка, должно быть что-то вроде этого.

Последовала минутная пауза. Вероятно, Ленка разбиралась в отсканированной с наших мозгов информации, чтобы понять, чего от неё хотят.

– Опознавательный код зарегистрирован не на планете, – ответил звездолет.

– А где?

– В Торговой Гильдии.

– Так… А где находится Гильдия?

– Представительства Гильдии имеются на девяносто семи планетах.

Тьфу-ты!

– А в каком именно представительстве регистрировали тебя?

– Опознавательные коды регистрируются в едином каталоге Гильдии.

Я поморщился. От блужданий в этих бюрократических дебрях мало толку. Полезной информации – как в налоговом законодательстве гвинейских каннибалов.

– Ленка, – вмешался Лубенчиков, – Ну ты хоть скажи, за кого эта самая Гильдия: за Аркею или за Соединенные Планеты?

– Торговая Гильдия – нейтральная организация.

Так ничего и не добившись, мы снова затребовали от Ленки кинохроники и еще часа два наслаждались грандиозными картинами «звёздных войн». Впрочем, довольно таки однообразными.

Кроме сражений звездолетов, нам показали, как огромная станция, сопровождаемая целым роем кораблей поменьше, превращает в тучи раскаленных газов небольшие планетки. Диктор восторженно вещал об уничтожении баз террористов. Потом эта же станция оказалась у крупной и, судя по всему, обитаемой планеты, чем-то напоминавшей Землю. Несколько вражеских кораблей-дисков попытались было атаковать, но тут же рассыпались огненными лепестками.

– Несмотря на предупреждение адмирала Ванту, на подступах к планете Дарбел крупные аркейские силы вероломно атаковали миротворческую станцию «Луч Надежды», –

бодро прокомментировал диктор, – Вследствие чего, адмирал принял решение нанести точечные удары по военным базам и космодромам аркейцев.

Станция озарилась радужным ореолом. Несколько ослепительной белизны столбов света прочертили поверхность планеты, оставляя за собой медленно тускнеющий шлейф – красное на черном. Должно быть там внизу бушевало настоящее море огня.

– Не хотел бы я оказаться на месте аркейцев, – вздохнул Васька.

Мы поежились. Наверное, каждый мысленно представил знакомые очертания континентов внизу. Это ведь были не спецэффекты. Всё происходило по настоящему.

– Благодаря высокопрофессиональным действиям экипажа станции, жертвы среди мирного населения были ничтожны, – радостно успокоил нас диктор.

– Ага, – ухмыльнулся Димыч, – Миллионов пять-шесть. Разве это много?

– Хватит кинохроники! – махнул рукой Васька.

Я его понимал. Одно дело, смотреть «Звездные войны» в кино, восхищаясь режиссурой, и, совсем другое – знать, что гибнут вполне реальные существа из плоти и крови. Пускай и неизвестно, как они выглядят.

Нам ведь только и показали – несколько крошечных фигурок, болтавшихся среди обломков уничтоженного аркейского корабля. И пускай даже у них клювы – вместо ртов и три глаза – вместо двух. Все равно. Смерть бывает красивой только в кино.

– Ладно, кое-что мы выяснили, – заметил Димыч, промочив горло из красной коробочки, – Перевес явно на стороне Соединенных Планет.

– Не обязательно, – покачал я головой, – Может обычная пропаганда. Кричать даже о мелких победах и ни гу-гу – о поражениях.

– Да тут и войны нету, как таковой, – не согласился Димыч, – Сплошная миротворческая операция. То есть, имеется некий дядя не просто с большой, а с О-ОЧЕНЬ большой дубиной.

– Мой дядя самых честных правил – он уважать себя заставил, – продекламировал Васька.

– Вот-вот.

– Не хотел бы я, чтобы этот дядя добрался до Земли, – задумчиво вздохнул Лубенчиков.

– Если и доберется, то не скоро, – проговорил Димыч, философски разглядывая дно коробочки, – Думаю, именно поэтому прежние ленкины хозяева вышли на Земле. Не от аркейцев же им драпать на другой конец Галактики? Этим, кстати, объясняется и подбор «кинохроники». Хозяева нашей тарелки внимательно отслеживали перемещения флота Соединенных Планет и десятой дорогой старались обойти те места.

– Нам придется использовать ту же тактику, – заметил Васька, – Пускай этот «Луч Надежды» светит где-нибудь подальше.

– Все правильно, – вздохнул я, – Только пока совершенно неактуально. Сначала надо как-то выбраться из Темной Области.

– А что откладывать, – махнул рукой Васька, – Давайте сейчас и начнем!

Мы отправились в Центральную Рубку, разместились в креслах и Димыч скомандовал:

– Ленок! Отъезжаем! Курс на ближайший обитаемый мир!

– Гипер-переходы нестабильны, – еще раз честно предупредил звездолет.

– Ну и мать их! Переходов бояться – в «тарелках» не летать!

Глава 7

Кресла мягко обволокли наши тела.

– Внимание! Начинаю обратный отсчет! – в голосе звездолета сквозило неженское, ледяное спокойствие.

– Десять…… девять…… восемь……

Мы переглянулись и Димыч натянуто улыбнулся:

– Лучше бы рассказала какую-нибудь считалочку…

– Семь…… шесть…… пять……

– Вышел зайчик погулять! – вставил Васька.

– …Вдруг охотник выбегает – прямо в зайчика стреляет, – немедленно продолжила Ленка, которая восприняла наши пожелания в качестве приказа. В её исполнении даже безобидный стишок звучал с мрачноватой торжественностью:

– Пиф-паф… Ой-ой-ой… Умирает зайчик мой…

– Кошмар, – покачал головой Васька.

– Активизация перехода! – проговорила Ленка, обрывая считалку в самом неподходящем месте.

Звезды задрожали, словно в мареве над ночным костром. А через миг всё поглотила тьма. Такая густая, что на пару секунд мне показалось, что я ослеп. Яркая вспышка. И снова тьма. Долгая, плотная, даже на ощупь. Какие-то искры в этой тьме. Далекое и невнятное, будто свозь плотный слой ваты, бормотание Димыча.

Потом сильно тряхнуло. Зубы заныли от пронизывающей тело вибрации. Радужные блестки закружились перед глазами. Замутило. Недавний плотный завтрак настойчиво попросился наружу.

– Уф-ф! – шумно выдохнул кто-то поблизости. Димыч или Васька? Не знаю. Мне было не до того.

Удар. Вспышка. И наконец, тьма-избавительница снова окутала плотной пеленой. А может я просто потерял сознание? Нет, сознание как раз было на месте. Я потерял тело. Совершенно перестал его ощущать. Но это было совсем не страшно. Это было легко. Тьма, тишина и абсолютный покой.

«Неужели я умер?»

Забавно.

Светлая точка далеко впереди. Не звезда. Просто пятно. Быстро растущее. Луч рассекающий тьму. Ага, кажется, действительно, луч! «Луч Надежды»! Только непонятно, кого они здесь умиротворяют? Нет ведь никого! Кроме меня. А мне на них наплевать. Я ведь умер.

Луч света коснулся меня и я взвыл от боли…

– Ну как, достаточно? Или добавить пару подзатыльников?

Нет это не лазерный луч. Это… монтировка в руках Дарта Вейдера. Тьфу-ты, дурацкий кошмар даже после смерти не желает оставлять меня в покое.

Правда, голос у него изменился. Без всей этой гнусавости и шипения.

– У тебя вроде с дикцией стало получше?

– Поменял бракованный шлем.

Мы стоим на залитой солнцем лужайке. Сквозь прозрачный березняк и кусты – близкая гладь реки. В общем, типичное посмертное видение.

– Ну и какого тебе от меня надо? – зеваю я. Сейчас, вероятно, начнет требовать назад деньги за «Запорожец»… Опережая вопрос, я лениво потягиваюсь:

– Деньги получишь с этого… с Оби ван Кеноби. Вообще, хватит доставать меня чепухой. Пора подумать о чем-нибудь высоком и вечном.

Дарт опять угрожающе заносит монтировку. Я слегка отступаю:

– Ну ты, порождение моего разума! Легче с монтировкой, а то я тебя породил, я тебя и…

Он смеётся:

– Хочешь говорить о высоком? Что ты, интересно, под этим понимаешь? «Высокое» – это наверно сборная России по баскетболу. Женская…

– Не собираюсь спорить с галлюцинацией, – заявляю категорически, – Ты всего лишь часть моего подсознания. И не лучшая часть.

У дальнего конца поляны возникает Димыч. Спокойно проходит мимо. Не замечая ни меня, ни Вейдера. Скрывается в прибрежных кустах.

– Э-э-эй!

Ноль внимания. Довольно бессовестно с его стороны. Тем более, что «Запорожец» этому порождению Голливуда мы вместе «толкали».

Дарт противно хихикает.

– Слушай, – вздыхаю я, – Надоела эта космическая опера… Давай попроще – чего-нибудь из раннего Тургенева… Только не «Му-му»! Я, например, не буду возражать, если ты превратишься в очаровательную юную девушку. И лучше без монтировки.

– Глупости, – не соглашается Дарт, – Если была «Девушка с веслом», то почему бы не быть «Девушке с монтировкой.»

Со стороны реки доносится плеск воды и смех. Женский смех! Я даже встаю на цыпочки, пытаясь хоть что-то разглядеть через березняк и прибрежные кусты. За кустами явно наслаждаются жизнью. Пускай и загробной.

Потом я оглядываюсь и с отвращением обнаруживаю, что Дарт вовсе не спешит превращаться во что-то более подходящее.

– Значит, говоришь, надоела космическая опера? – спрашивает он, поигрывая монтировкой. И делает шаг в мою сторону.

– Хуже горькой редьки, – подтверждаю я. И легонько отступаю.

– Может ты и киберпанк не любишь? – вкрадчиво интересуется Дарт.

– Люблю! – торопливо киваю, – Но читать не буду.

В ответ – зловещий хохот. Прям, мороз по коже…

Нет, я конечно грешен. Но не до такой степени! Порою, я, даже, уступал старушкам места в общественном транспорте.

– Тут какая-то ошибка!

– Неужели? – Дарт иронично склоняет голову, насколько это возможно в его шлеме.

Со стороны реки доносится радостный вопль Димыча. Женский визг и хохот. Оттягивается, балбес!

Где справедливость?!

Я бросаюсь вперед, увернувшись от монтировки Вейдера.

А в следующее мгновенье обнаруживается, что нет никакого березняка. Нет реки. Крутой обрыв всего в нескольких метрах. Я шагаю ближе, осторожно заглядываю вниз и тут же отскакиваю.

Пропасть. Бездонная. Точнее, вместо дна у неё – холодная пустота с редкими льдинками звезд.

– А как же Димыч? – я испуганно оборачиваюсь к Вейдеру. Но лорда и след простыл. Вместо него – кто-то, закутанный с головы до пят в длинный серый плащ:

– Над бездной тоже можно пройти.

Голос – женский.

А лицо… Лица не видать.

– Иногда самый длинный путь оказывается самым верным.

– И что это значит? – я шагаю к ней, тяну руку… И ловлю ветер.

Негромкий смех – где-то за спиной.

– Как тебя зовут? – спрашиваю я, оборачиваясь.

– Василий Викторович Лубенчиков, – грубовато звучит в ответ.

Меня встряхнули и бесцеремонно захлопали по щекам.

– Может ему ведро воды на голову вылить? – донесся голос Димыча, – Верный способ.

– На себя вылей, – возмутился я, открывая глаза.

– Ну, наконец-то, – облегченно вздохнул Васька, – А то мы уже начали беспокоиться.

Радостные, хотя и слегка встревоженные физиономии товарищей склонились надо мной.

– Ты как себя чувствуешь?

– Нормально. Сейчас уже нормально.

– Да-а, переходец был еще тот! – расплылся в мечтательной ухмылке Васька, – Это круче, чем на полном ходу кувыркнуться с мотоцикла!

– Ага, – подтвердил Дима, – «Хочешь острых ощущений? Летай звездолётами класса „Эн“!»

Я выпрямился в кресле и оно послушно приподнялось вслед за моей спиной.

– Ребята… Вы что-нибудь видели… во время перехода?

– Ну, да, – недоумевающе кивнул Васька, – Вспышки, там… Искры…

– И всё?

– А что мы еще должны были видеть? – удивился Димыч.

– Да нет, ничего… Всё в порядке…

Значит, галлюцинация. Я посмотрел на звезды за прозрачным куполом Центральной Рубки и перед глазами ярким видением снова встала обрывающаяся в пустоту пропасть.

Как наяву! До сих пор мороз по коже. Неужели бывают такие галлюцинации? Впрочем, откуда мне знать. Был бы рядом мой знакомый санитар психбольницы – что-нибудь посоветовал. Например, литр водки внутрь. Для промывания мозгов.

Рассказать друзьям? Этак они меня самого начнут опасаться. Кому приятно путешествовать в компании с человеком, которого посещают видения. Сегодня у него видения, а завтра он гоняется за тобой с топором. Правда, здесь топоров нет. Только мухобойки. И все равно, приятного мало.

Я задумчиво потёр висок.

Нет, это не было бессмысленным бредом…

Говорят, существуют вещие сны. А у меня, выходит, приключилось что-то вроде вещей галлюцинации. Теперь попробуй разобраться, что означает: «Самый длинный путь – окажется самым верным.» Поможет ли это предсказание вернуться на Землю? Мы-то никакого пути не знаем!

Тьфу-ты. Нострадамус из меня тот еще…

– Ленок, – спросил Димыч, – Ну и сколько нам еще «пилять»?

Звездолет отозвался после длинной паузы:

– Абсолютное расстояние – сто сорок один световой год…

– А было сто семьдесят семь! – восхитился Васька, – Неплохо! Совсем неплохо! Тридцать шесть световых лет, как с куста!

– Точность оценки… – продолжала Лена.

– Не надо про точность, – отмахнулся Васька, – Мы тебе и так верим!

Димыч взглянул на часы и обнаружил, что мы болтались в переходе минут пятнадцать, не больше.

– Такими темпами мы доберемся даже раньше, чем за трое суток! – радостно констатировал Лубенчиков, но, наткнувшись на осуждающие взгляды, поторопился трижды плюнуть через левое плечо.

Начало – вполне оптимистическое. А что будет дальше?

Я опять подумал про странную символику видения.

Река. Летний денёк… А потом на месте реки возникла пропасть. «И над бездной можно пройти…» Полный делириум, как говорят психиатры. Вроде тех голосов при белой горячке, которые дружески рекомендуют прыгнуть с двенадцатого этажа. Опытные люди рассказывают – когда тебя так уговаривавают, бывает трудно отказаться…

Я посмотрел на простодушную Васькину физиономию, на задумчивого Димыча, и решил пока не ломать голову.

И рассказывать им ничего не буду.

– Не станем останавливаться на достигнутом? – вопросительно прищурился Капустин.

– Ага, – улыбнулся Лубенчиков, – Руки-ноги целы, голова – тоже, вроде. Будем продолжать. Дурное – дело не хитрое!

Я вздохнул, отворачиваясь. Легко ему рассуждать. Никаких у него видений. Только искры из глаз.

Откупорив красные коробочки, мы промочили горло. Совсем слегка, памятуя о неприятной особенности нестабильных гипер-переходов. И снова скомандовали:

– Ленок! Давай помаленьку!

В этот раз мы посоветовали ей воздержаться от описания сцен насилия и жестокости. Поэтому истории про несчастного застреленного зайца и про месяца-редивиста, который «вышел из тумана, вынул финку из кармана» были с порога отвергнуты.

В итоге, Ленка забубнила безобидное:

– На златом крыльце сидели… царь… царевич… король… королевич…

…Дрожащее марево. Тьма. Вспышка. Снова черная пустота. Опять вспышка. И тянущиеся целую вечность секунды бесплотного существования в радужной непроглядной тьме.

Больше никаких видений.

Мы перевели дыхание и посмотрели на звезды, которые, вроде бы, совершенно не изменились со времени первого гиперпрыжка.

– Ленка! Сколько там мы покрыли?

– В абсолютных единицах – одиннадцать световых лет.

Мы переглянулись. Не густо. Темпы ощутимо снизились. Но мы приближались-таки к нашей цели.

– Продолжаем? – спросил Васька. Мы с Димычем кивнули. Пока что, все эти «переходы» были на уровне небольшого дорожно-транспортного происшествия. Трясет, конечно, и в глазах – темно. Но терпеть можно. Еще несколько прыжков через пространственно-временные «канавы» мы выдержим.

… Вспышка. Тьма. Вспышка… Вибрация… Невесомость… Даже странно, почему нет видений? Я опять хочу тебя встретить, таинственная незнакомка!.. Отзовись!..

Тишина… Пустота… Тьма.

– Сколько там… набежало? – спросил я, когда звезды снова успокаивающе зажглись по ту сторону купола.

– Минус пятьдесят четыре световых года, – бесстрастно констатировал звездолет.

– То есть как это «минус»? – непонимающе заморгали мы.

– Исходное расстояние – сто тридцать световых лет. Конечное расстояние – сто восемьдесят четыре световых года. Пройдено расстояние – минус пятьдесят четыре световых года.

Димыч выругался вполголоса. Васька присвистнул.

– Что за фигня? Ленка, ты ничего не напутала?

– Погрешность измерения… – терпеливо начал звездолет.

– Да причем здесь погрешность! – отмахнулся я, – Как могло получиться, что теперь мы дальше от цели, чем были до этих чертовых переходов?!

– В пределах Темных Зон – гипер-переходы не стабильны.

Как будто, после её коронной фразы нам всё должно стать ясно.

– Это какой-то марксизм выходит, – растерянно пожал плечами Васька, – Шаг – вперед, два шага – назад…

– Не марксизм, а маразм! – скривился Дима.

– Просто-Лена не виновата, – на всякий случай уточнил звездолет. В нежно-увещевающих интонациях почудилось искреннее огорчение:

– Просто-Лена сделала всё, что возможно.

Звезды по ту сторону купола глядели на нас с бесстыжей самоуверенностью. Словно, с издевкой повторяли: «Темная Зона… Темная Зона…» На душе стало муторно. Неужели мы так и не выберемся отсюда?

Димыч хмуро продекламировал:

– Что за шутки – еду я вторые сутки. А приехал я назад. А приехал… чёрт знает куда.

– Угу, – почесал затылок Васька, – Это уже не космическая опера. Это какой-то рэп на слова Маршака.

– Будем продолжать? – спросил я.

Товарищи смотрели в пространство. За них ответила Ленка:

– Релаксация гипергенератора займет шесть часов тридцать две минуты. Ранее этого срока, во избежания разрушения генератора, производить переходы не рекомендуется.

Что ж. Похоже, нам тоже требуется релаксация.

Мы вышли из Центральной Рубки и в похоронном настороении побрели в сторону Комнаты Отдыха. Наша «тарелка» всё больше и больше напоминала комфортабельную и весьма благоустроенную тюрьму.

Даже гигантское джакузи теперь не производило особого впечатления. Раздевались мы вяло и без всякой охоты. Надо ж чем-то занять эти шесть с лишним часов…

Васька первым стащил штаны и уже собирался бултыхнуться в кипящую пузырьками воду, но в последнюю секунду замер в невозможной позе, балансируя у самого краешка бассейна. Я вздрогнул, а Димыч выронил рубашку.

– Внимание! Внимание! – объявила Ленка тем торжественно-проникновенным тоном, с каким в голливудских фильмах вещают устройства самоликвидации.

Димыч побледнел: «Долетались…» А Васька все никак не мог решиться: то ли прыгать ему, то ли в одних трусах мчаться к спасательной капсуле.

Выдержав паузу, звездолет продолжил чуть менее торжественно:

– Справа-прямо по курсу обнаружен слабый сигнал. С точностью до шестидесяти процентов сигнал может быть истолкован как стандартная просьба о помощи.

– Тьфу-ты, – сплюнул Димыч. От сердца у нас отлегло. А Васька окончательно раздумал прыгать в джаккузи и уже торопливо натягивал штаны.

Еще бы. Не каждый день встречаешь терпящий бедствие инопланетный звездолет.

Глава 8

– Ожидаю ваших распоряжений, – проговорила совсем уже будничным тоном Ленка.

– Ну… – замялся я, – Что там полагается в таких случаях?..

– Начать сближение с целью оказания помощи? – уточнил звездолет и добавил с интонацией заботливой мамаши, – Напоминаю о возможной угрозе. Если на корабле – враги…

– Кстати, – вмешался Димыч, – А что за корабль?

– Визуальный контакт пока не установлен. Согласно опознавательным кодам – звездолет класса «Од», зарегистрированный на нейтральной планете Уиту-Шер-2.

– Будем надеяться, что тут без подвохов, – сказал Димыч и вопросительно обвел нас взглядом. Ни Васька, ни я не возражали.

Разве можно упускать шанс пообщаться с кем-нибудь более информированным, чем наша склеротичная Ленка.

– Сближаемся.

– Приказ ясен, – отрапортовал звездолет, – Начинаю сближение.

– Кстати, а как там с защитой, на случай всяких неожиданностей? – торопливо спохватился я.

– Силовое поле приведено в боевую готовность и функционирует нормально. Противометеоритная защита активирована. В случае очевидной угрозы – огонь на поражение.

– Приятно слышать, – улыбнулся Васька, – Хоть в этот раз, никто не предлагает обойтись мухобойками.

Мы оделись и вернулись в Центральную Рубку.

Конечно, слегка неловко, что тут нет штурвалов, кнопок с тумблерами, или на худой конец интерфейсных кабелей – для подключения непосредственно к мозгам (идея сверлить дырку в голове ради установки компьютерных портов никогда меня особенно не вдохновляла).

Мы просто сидели и таращились на звёзды, словно школьники в планетарии.

Ленка все делала сама. И встрявать в этот процесс – было бы не меньшей глупостью, чем пытаться скупать по дешевке инопланетные звездолеты.

Не знаю с какой скоростью шло сближение. Никаких перегрузок мы не испытывали. Да и вообще, если бы точно не знали, что движемся – врядли бы догадались.

– Визуальный контакт установлен, – доложил звездолет минуты через три. Конечно, нам еще ничего не было видно. Зрение-то у нас – послабее чем у Ленки.

Поэтому она тут же вывела голографическую картинку. В воздухе перед нашими креслами повис небольшой, тускло поблескивавший цилиндрик.

– Провожу реконструкцию изображения.

Цилиндрик увеличился до размеров пол-литровки и завертелся в пространстве – Ленка хотела показать его нам со всех сторон. Впрочем, пока единственная деталь, которую мы смогли разобрать – довольно большая дыра с рваными краями посредине цилиндрического корпуса.

Спустя пару минут, изображение еще выросло и сравнялось габаритами с… ну, не знаю, с холодильником «Донбасс», например. Только неизвестный корабль имел почти правильную цилиндрическую форму.

Уже можно разглядеть, что в дыре посредине корпуса торчат какие-то гнутые, оплавленные трубки. Вероятно, инопланетникам здорово досталось. Еще несколько дыр, поменьше были затянуты темной массой, будто кто-то пытался изнутри латать поврежденный корабль.

Рядом с изображением зажглась масштабная сетка. Метрическая, для нашего удобства. Я прикинул на глаз: в поперечнике космическое судно было около десяти метров, высотой – не меньше двадцати. Чуть крупнее нашей «тарелки», хотя, по сравнению с ракетой «Энергия» – явно мелковато. А уж рядом с «Лучом Надежды» и вовсе выглядело бы крошечным.

На первый взгляд, никакой особой угрозы здесь не предвиделось.

– Визуальный контакт подтверждает классификацию, – сказала Ленка и изображение чужого звездолета стало полупрозрачным, – Корабли класса «Од» малого тоннажа используются для грузопассажирских перевозок на ближние и средние расстояния. Снабжены кроме генераторов защитного поля… – по периметру в средней части цилиндра розовым цветом зажглись несколько сегментов, – … также противометеоритными пушками малой мощности.

Красные точки немедленно вспыхнули на торцах цилиндра.

– Центральная рубка и жилые отсеки…

Верхняя треть звездолета осветилась зеленым.

– Грузовые отсеки или отсеки пассажиров.

Синим цветом выделилась нижняя треть цилиндра.

– Энергоустановка, гипергенератор и двигатели.

Средняя треть, как раз напротив здоровенной дыры в корпусе, и несколько труб, проходящих по центру нижней, вспыхнули желтоватым огнем.

– С вероятностью девяносто пять процентов повреждения исключают возможность текущего ремонта силами экипажа.

– Да, здорово их шандарахнуло, – заметил Васька, – Придется выручать гуманоидов.

– Кто тебе сказал, что они гуманоиды? – задумчиво почесал подбородок Димыч. А я подумал, что мы так до сих пор не видели ни одного представителя здешних рас. Были слишком заняты. То жрали, то пили, то тараканов давили… Впрочем, «малыш»… Нет «малыш» не в счет. Будем надеяться, что остальные обитатели Галактики совсем другие. Пускай уж лучше с глазами на стебельках, чем такие.

Надо запросить у Ленки всю информацию.

Димыч меня опередил:

– Что известно об обитателях этого…как его?

– Уиту-Шер-2 – один из важных перевалочных пунктов галактической торговли. Принадлежит местной расе – Уиту.

Рядом с цилиндрическим звездолетом возник наполовину затянутый облаками голубой шар и чуть в сторонке – причудливое существо. Кто-то вроде осьминога с дюжиной вдумчивых глаз и веселеньким красно-желтым орнаментом на шкуре.

– …Девяносто два процента поверхности планеты покрыты океаном.

– Понятно почему для осьминогов там раздолье, – кивнул Васька, – А русалочек там случайно не водится?

Ленка сделала вид или действительно не поняла. Продолжила:

– Согласно оценкам экспертов Торговой Гильдии, Уиту-Шер-2 располагает значительными запасами цветных металлов и углеводородов. Однако, промышленная разработка почти не ведется. Основные месторождения находятся на океаническом шельфе, в зонах наиболее плотного расселения уиту, куда закрыт доступ чужакам.

Облачный покров на голубом шаре исчез. Районы вокруг единственного материка и островов выделились пульсирующим бледно-зеленым цветом.

– Последние шестьдесят семь стандартных лет, в результате присоединения к Договору о Концессиях, аборигены позволяют Торговой Гильдии использовать залежи титана и серебра на островах…

– Это все впечатляет, – вежливо перебил Дима, – Но пока хватит об экономике. Было бы интересно узнать что-нибудь конкретное… например, чем эти осьминоги питаются?

Васька хихикнул:

– Тоже, наверное, любят живую органику.

– Уиту не являются агрессивной расой, – поняла Ленка, – Однако попытки чужаков проникнуть в места обитанияя аборигенов, согласно местному кодексу, караются смертью.

– И что… были случаи? – осторожно спросил Димыч.

– Были, – честно признался звездолет.

– Да ладно, – отмахнулся Васька, – Нам-то что до этого… Мы-то в ихний океан лезть не собираемся.

Дима смерил его уничижительным взглядом и ласково поинтересовался у звездолета:

– Леночка, согласно Галактическому Законодательству, кому принадлежит пространство внутри корабля?

– Пространство принадлежит планете регистрации.

Капустин посмотрел на нас многозначительно. Всё было понятно без дальнейших объяснений. Пространство внутри звездолета-цилиндра вполне можно трактовать, как место обитания «уиту».

Помощь-то им нужна. Только слишком рискованно связываться с расой, у которой такие гостепреимные обычаи.

– Ленка, запроси, какая именно помощь им требуется, – сказал я.

– Борт 384–967 не отвечает на запросы. Возможно повреждение приемной антенны.

– Или никого нет в живых, – преположил Васька.

Мы переглянулись и подумали об одном и том же.

– Лена… У тебя есть скафандры? Что-нибудь не слишком громоздкое?

– Ага. Пляжный вариант… – вставил Лубенчиков.

– Балбес, – беззлобно констатировал Дима.

Но Васька только внешне храбрился. Я-то видел, что ему тоже не по себе.

И вправду, не слишком это приятно – лезть на чужой звездолет. Да еще, если не ясно, как там тебя примут. Из книжек и фильмов все мы прекрасно усвоили, что самые главные неприятности в космосе бывают именно на чужих, терпящих бедствие звездолетах.

– Скафандры имеются, – сказала Ленка, терпеливо дождавшись окончания нашей перепалки.

По ту сторону купола Рубки, уже без всякого увеличения, хорошо виден приближающийся с каждой секундой цилиндрик.

Пора на что-то решаться.

Риск есть риск, но чем черт не шутит – если кто из «осьминогов» уцелел, может удастся добиться каких-то важных сведений. Например, о кординатах Земли. Или о том, как выбраться из Темной Области…

Даже, если на корабле одни мертвецы, все равно полезная информация в виде бортовых записей могла сохраниться. Любая зацепка, которая приблизит нас к дому. Уже ради этого стоило рискнуть.

– Пойду я, – твердо сказал Димыч, – Я могу с ними договориться.

– Нет я, – не менее твердо заявил Васька, – Ты уже однажды пытался договориться. И чем кончилось?

Я наблюдал за обоими друзьями и только качал головой. Спорят и ссорятся, будто речь не о чужом звездолете, а о женской половине химфаковской общаги.

– Перестаньте, – взмахнул я рукой, обрывая дискуссию, – Одному идти – слишком опасно. Надо – вдвоем.

– Лубенчиков остается, – категорически заявил Димыч.

– Это еще почему? – обиделся Васька.

– Потому, что кончается на «у». Это тебе не раздолбанные «жигули» клиентам втюхивать…

– Много ты понимаешь, – горделиво выпятил грудь Лубенчиков, – Здесь тоже нужны нестандартные подходы…

– Ага, однажды вы с Рузяном такой подход использовали, – иронически прищурился Димыч, – И целых два месяца лечились от побоев…

Васькино лицо передернулось. Воспоминание – не из приятных.

– Не надо нагнетать страсти. Я уже через две недели был, как огурчик.

– Ага, а Рузян до сих пор хромает.

Лубенчиков кашлянул:

– Тогда пойдем втроем. Вместе мы в это дело встряли – вместе и выпутаемся… Или не выпутаемся.

– Глупости, – не согласился Димыч, – Кто-то должен остаться на «тарелке». Тоже, между прочим, ответственное задание. Но, если ты так настаиваешь… Давайте тянуть жребий.

– Давайте! – с подозрительной легкостью согласился Лубенчиков и извлек из кармана коробок спичек. Отвернулся на секунду и протянул нам руку с тремя спичками, зажатыми в кулаке, так что наружу торчали лишь серные головки.

– Короткая – остается на «тарелке», – пояснил Васька и предложил Капустину, – Тяни!

– А почему я первый? – с подозрением моргнул Димыч.

– Это ведь твоя идея – жребий, – невинно вздохнул Лубенчиков.

Капустин нахмурился и… вытянул короткую.

– Вот всё и решилось! По-честному! – обрадовался Васька и торопливо засунул остальные спички в карман.

– Э-э, ну-ка покажи! – потребовал Димыч.

– Некогда, Дима, некогда, – отмахнулся Лубенчиков, – Братья по разуму ждут– не дождутся!

Он кивнул в сторону чужого звездолета:

– Ленок, как нам лучше туда попасть?

Ответ последовал без малейшей задержки.

– Поскольку борт 384–967 не реагирует на запросы, воспользоваться его шлюзами невозможно. Стандартная процедура – вскрытие корпуса корабля с установкой временного шлюзового перехода.

– А чего его вскрывать? – заметил Васька, – Его уже и так вскрыли. До нас.

Отверстие с рваными краями – шириной никак не менее трех метров. Вполне достаточно, чтобы каждый желающий смог нагрянуть в гости.

Ленка откомментировала:

– Замеры показывают, что гипергенератор корабля либо отключен, либо полностью разрушен. Уровень гиперполя и остаточные искажения континиума в пределах нормы. Однако, инструкция не рекомендует проникновение через энергоотсек. Стандартная процедура – вскрытие корпуса в районе шлюзовых камер или в районе отсеков экипажа.

– Сколько времени это займет? – уточнил Дима.

– Для звездолетов класса «Од», три – четыре часа…

– Чего-о?! – возмутился Васька, – Да за это время у нас все «осьминоги» передохнут! Не с кем будет налаживать плодотворный межрасовый диалог!

– А нельзя как-то ускорить дело? – спросил Капустин.

– Просто-Лена не является спасательным кораблем, – виновато отозвался голосок.

Лубенчиков нетерпеливо стукнул кулаком по креслу:

– Ну так, пошлем на фиг все эти инструкции! Дырка-то уже есть – и это главное!

– Вы не должны подвергать себя напрасному риску! – у нашего звездолета опять прорезались материнские интонации, – Учитывая разрушения внутри энергоотсека…

– Раньше надо было думать! – скривился Лубенчиков, – Если б не твоя забота, мы бы здесь не загорали!

Да уж. Риском больше, риском меньше. Васька-то прав. С тех пор, как мы очнулись счастливыми обладателями «тарелки» хай-класса, вся наша жизнь – сплошная игра.

– Леночка, – мягко попросил я (ну не могу я разговаривать с женщинами грубо), – Ты, давай, организуй нам переход через ихний энергоотсек. Время не терпит.

– Исполняю, – безропотно отозвался звездолет.

За время спора, мы еще приблизились к кораблю уиту. Цилиндр нарядно блестел. Намного сильнее, чем полагалось бы от света далеких звезд. Должно быть, фильтруя картинку через прозрачный купол Рубки, Ленка специально для нас усилила яркость. Сейчас чужой звездолет напоминал громадную елочную игрушку. Только густая тьма, черным зрачком затаившаяся в дыре посреди корпуса, не давала расслабиться. Будто пристально смотрела на нас внимательным и оценивающим взглядом.

– Пошли одеваться! – хлопнул меня по плечу Васька, – Как раз успеем, пока Ленка сварганит переход.

Выделявшаяся на полу голубоватым свечением тропинка привела нас через коридор в один из отсеков, занимавших периметр «тарелки». Раньше мы сюда не заглядывали, просто не успели.

Вдоль стен, справа и слева, было штук по семь прозрачных цилиндров. Совершенно пустых.

– Займите исходное положение, – сказала Ленка, гостеприимно открывая пару цилиндров.

Мы выполнили просьбу. Цилиндры немедленно закрылись и откуда-то снизу плотными клубами начал подниматься белый туман. Вверх по телу побежал холодок.

– А как же насчет скафандров? – недоумевающе заерзал Васька.

Димыч хихикнул. Похоже, он понимал во всем этом больше нашего.

Туман поднимался всё выше и я прочитал в глазах Лубенчикова что-то вроде легкого беспокойства.

– Ленок, ты… ты извини, что я на тебя накричал, – вдруг с раскаянием попросил Васька. И дрогнувшим голосом уточнил:

– А ты уверена, что все идет как надо?

– Пожалуйста, стойте спокойно. Процесс будет завершен через пятьдесят три секунды.

Плотные белые клубы как раз достигли наших подбородков. Васька на всякий случай привстал на цыпочках. В этот момент туман перестал подниматься. Однородной массой заполнил две трети цилиндров.

– Процесс успешно завершен, – доложила Ленка, – Метастабильные скафандры сформированы.

И мы вдруг обнаружили, что белая пелена растаяла. Но не до конца. Что-то полупрозрачное и невесомое покрывало наши с Лубенчиковым тела вплоть до подбородков. Это и есть скафандры? На вид – не особо внушительно.

– А что значит – «метастабильные»?

– Срок службы скафандров в активированном состоянии – десять часов шесть минут, – с готовностью пояснила Ленка.

– А потом?

– По истечении указанного срока, метастабильный материал распадается, превращаясь в совершенно безвредное световое излучение и, таким образом, не загрязняя окружающую среду.

– Какое полезное изобретение! – восхитился Димыч, – Будем надеяться, что вы там не задержитесь дольше десяти часов.

– Да уж, – кивнул я, мысленно проклиная высокую техническую мысль ленкиных создателей. Это ж надо, додуматься до одноразовых скафандров!

– Леночка, золотце, неужели у тебя нет ничего более капитального? – взмолился Васька, с опаской щупая полупрозрачную субстанцию, – Разве это материал? Это одна видимость!

Звёздолёт выждал секунду. И отбарабанил:

– В случае экстренных ситуаций, использование метастабильных материалов – обычная процедура. Формирование скафандров стационарного типа предусмотрено только для длительных ремонтных работ.

Васька скривился, наверное собираясь в очередной раз нагрубить Ленке.

– Погодите, ребята, – успокаивающе поднял руку Димыч, – Сколько времени уйдет на изготовление стационарных скафандров?

– Один час три минуты, – не задумываясь ответила Ленка.

– Вот видите! Она права! Не стоит терять уйму времени на подбор гардероба.

– Дурацкая система! – буркнул Лубенчиков, – Что, нельзя было заранее наклепать нормальных скафандров? Или может у них тоже ограниченный срок хранения?

– Не кипятись, Васёк, – улыбнулся Капустин, – Система вполне рациональная. Видал этих крашеных осьминогов, уиту? Я бы сказал – они достаточно сильно отличаются от нас по телосложению. И думаю – это еще не предел. Такими «тарелками», как наша, вполне может пользоваться десяток абсолютно непохожих рас. Какой смысл держать наготове целую кучу особых костюмов, если запросто можно изготовить их по фигуре прямо на борту?

Доводы Димыча были резонными. Только он оставался на «тарелке», а нам предстояло топать через открытый космос на чужой разрушенный корабль. В качестве единственной защиты от всех неприятностей имея лишь замечательные, «самораспадающиеся» костюмчики. И даже мысль о том, что они превратятся в «совершенно безвредное для окружающей среды излучение» как-то мало успокаивала.

Я посмотрел на Ваську и он молча развел руками. Отступать уже не только малодушно, но и глупо.

– Ленок, давай что ли… Отправляй нас.

– Минутку! – вдруг аж подпрыгнул Лубенчиков, – Мы что, так и пойдем с голыми руками?!

Я почесал затылок. В чем-то, он прав, конечно. Вот только, как отнесутся недоверчивые уиту к вооруженным чужакам? Мало ли что им пригрезится со страху…

– Кстати, – вмешался Димыч, – А как там у них насчет блокировки оружия?

Звездолет немедленно отозвался:

– Согласно Одиннадцатой Галактической Конвенции автоматическая блокировка оружия и опасного инструмента во внутреннем пространстве торгового корабля является обязательной.

– Ага, значит, вопрос отпадает, – развел руками Капустин, – Не с мухобойками же туда идти.

– Да, – согласился я, – Это было бы несолидно.

– Погодите! – не унимался Васька, – У них ведь поврежден генератор! Значит, энергия почти на нуле! Возможно и блокировка тоже не работает!

– Ну и что ты хочешь этим сказать? – поморщился Димыч, – Что можно туда на танке въезжать?

– Мы могли бы взять плазменные резаки, – предложил я, – Это все таки инструмент. Который, кстати, может пригодиться и для аварийно-спасательных работ.

Лубенчиков не возражал, хотя по его лицу было видно, что парочка каких-нибудь самонаводящихся бластеров куда больше согрела бы его душу.

Стена сбоку распахнулась. Ленка доставила нам резаки. По виду – здорово смахивавшие на водяные пистолеты. По весу – тоже.

Васька страдальчески сморщился.

Звездолет терпеливо объяснил как пользоваться резаками. Радиус действия у них был всего метра три. Одного энергоэлемента в режиме минимальной мощности хватало на час. В общем, особо не повоюешь. Но все равно приятней, чем с пустыми руками.

Мы прилепили резаки у пояса и уже собрались в шлюзовую камеру, когда Ленка добавила:

– Кроме того, в экстренных случаях, можно использовать портативные лазерные генераторы, встроенные в скафандры.

Мы с Васькой окинули удивлёнными взглядами свои полупрозрачно-невесомые костюмчики. Что-то новенькое! Куда интересно она ухитрилась втиснуть эти самые генераторы? Всё равно, что прятать пистолет в плавках!

Звездолет начал объяснять. А мы только хлопали глазами, восхищаясь чудесами инопланетной технической мысли. Оказывается, достаточно было стиснуть руку в кулак, выставив большой палец между средним и указательным…

Подробности мы не очень уловили, но главное, что спустя секунду из кончика большого пальца бил луч. Довольно мощный, хотя и кратковременный. Ведь при этом расходовался ресурс самого скафандра. Работа лазера в течении десяти секунд сокращала ресурс на целый час.

– Поэтому использование портативных генераторов без крайней необходимости не рекомендуется.

– Все равно, здорово, – восхищенно качал головой Васька, тренируясь в составлении необходимой комбинации пальцев.

– На Земле до этого еще не скоро додумаются, – кивнул Капустин.

– Угу. Джедаям такое и не снилось.

Ободренные, мы скомандовали:

– Ленок, начинаем спасательную операцию!

Дальняя стена расступилась, открывая проход в следующее небольшое помещение.

– Пожалуйста, пройдите в шлюзовую камеру.

– Э-э! – спохватился Лубенчиков, – Может я опять что-то путаю, но как насчет шлемов? Я понимаю, что костюмчики и так сидят замечательно, но, боюсь – без шлемов мы схватим насморк!

Ленка помедлила секунду, переваривая сказанное, и пояснила:

– Защитное силовое поле предохранит вас от переохлаждения.

Васька махнул рукой над шевелюрой и с подозрением прищурился:

– Что-то не чувствую никакого поля.

– Скафандры не активированы. Для активации войдите, пожалуйста, в шлюзовую камеру.

– Обязательно, – вздохнул Лубенчиков.

На всякий случай обнявшись с Димычем, мы шагнули вперёд – навстречу судьбе.

– Внимание! – честно предупредил звездолет, – Пять секунд до начала откачки камеры.
– Ну вы, турысты… Не слишком задерживайтесь! – сказал Капустин.
– Спасибо, что напомнил, – пробурчал Васька, – А то я уже собрался ночевать в гостях.

Глава 9

Проход сомкнулся позади. Засвистело. Это воздух всасывался в отверстия на стенах и потолке. Только мы не чувствовали ни малейшего дуновения. Должно быть, защитное поле начало действовать. Чтобы убедиться, я попробовал дотронуться до щеки… И это получилось!

– В шлюзовой камере – вакуум! – доложила Ленка.

Мы озадаченно переглянулись с Лубенчиковым. Он в задумчивости почесал нос. Вдруг шагнул к стене и с размаху приложился лбом. Точнее, попытался это сделать. Невидимый упругий слой остановил васькин лоб в сантиметре от поверхности.

– Работает! – восхитился Лубенчиков.

И, не встречая малейшего препятствия, взлохматил свою шевелюру.

– Вот это техника! – он как-то оценивающе глянул на меня и добавил, – Интересно, а если *кому-нибудь* дать подзатыльник…?

– Давай поставим эксперимент, – кивнул я, – *Кто-нибудь* даст тебе подзатыльник, а ты поделишься впечатлениями.

Перейти от слов к делу мы не успели.

– Временный коммуникационный туннель активирован! – доложила Ленка, распахивая перед нами не слишком широкий проход в стене.

Васька шагнул вперед и тут же намертво вцепился в края прохода:

– Ой!

Я осторожно заглянул через его плечо. И впрямь,»Ой!» Черная бездна под ногами. Холодные искорки звезд только усиливали эффект. Будто висишь над пропастью, да еще и вниз головой. Впрочем, над головой тоже была пустота. Ни малейшего намека на обещанный туннель.

– И как это понимать?

– Леночка, – взмолился Лубенчиков, отступая назад, – Это что, такая шутка?

Звездолет недомевающе отозвался спустя секунду:

– Какая именно шутка требуется? Уточните вопрос.

– Требуется коммуникационный туннель! – возмутился я.

– Какие-то проблемы? – донесся рядом голос Капустина.

– Туннель сперли!

Димыч озабоченно засопел:

– А ты уверен, что Васька там ничего не нажимал?

Я окинул шлюзовую камеру взглядом. Собственно говоря, никаких кнопок и переключателей не было и в помине. Голые стены. Даже Лубенчиков не сумел бы ничего натворить.

Я снова шагнул к проходу. Опустился на четвереньки и осторожно высунул руку. Пощупал. Что-то твердое, слегка пружинящее. И при этом совершенно невидимое. Я встал и, опираясь руками о стену, попробовал наступить на *это* одной ногой. Нога не провалилась. Тогда, набравшись духу, я шагнул вперед.

Лубенчиков с воплем метнулся ко мне. И чуть успокоился, когда понял, что прыгать в космическую пустоту я не собираюсь. Туннель был на месте. Правда, не совсем тот, на какой мы расчитывали. Туннель, сварганенный Ленкой полностью из силового поля.

– Я извиняюсь, ложная тревога. Все в порядке, – сообщил я и посмотрел на далекий, страшно далекий цилиндр чужого корабля. Не меньше пятидесяти метров над бездонной пропастью. Разве что, если не смотреть под ноги…

– Зачем было устраивать панику? – удивился голос Капустина, – Даже из рубки туннель прекрасно виден.

Ага. Из рубки-то он виден. Конечно же заботливая Ленка, фильтруя изображение, «подсветила» силовое поле. А в наших скафандрах такая замечательная возможность не предусмотрена.

– Ну… идем? – спросил Васька за моей спиной.

– Угу, – бодро ответил я. Слегка опираясь руками о невидимые стенки туннеля и, борясь с головокружением, двинулся вперед… Раз-два-три-четыре-пять! Пять шагов… Осталось каких-нибудь сорок пять… Опора под ногами слегка вибрировала.

– Ты можешь идти не в ногу? – попросил я Лубенчикова.

– Чего?

– Однажды солдаты Наполеона развалили так Чертов Мост. И Суворову пришлось связывать его офицерскими шарфами и солдатскими портянками…

– Ясно… – понимающе заметил Васька, – Портянки тогда делали на совесть.

Ему тоже было не по себе.

– Давай идти быстрее, – кротко попросил Лубенчиков.

А я вдруг подумал, что с Чертового Моста падать было всего-ничего – каких-нибудь сто пятьдесят метров. Вот, если упадем мы… Сколько там световых лет до ближайшей звезды?

Нет, вниз лучше не смотреть!

Когда отверстие в боку чужой громадины оказалось у меня перед носом, я даже не сразу поверил, что все кончилось.

Хотя, кое-что только начиналось.

Я осторожно заглянул внутрь корабля уиту. Подозреваю, что если бы не скафандр, мало что удалось бы рассмотреть. Изображение явно усиливалось и «подсвечивалось». Хотя силовые поля через наши квази-шлемы не увидишь, но зато искореженные и оплавленные внутренности энергоотсека были чётко различимы.

– Ну что там? – спросил Васька, просовывая голову следом.

– Дохлых осьминогов пока не видно, – ответил за меня голос Капустина. Наши костюмы каким-то образом передавали изображение прямиком в Центральную рубку.

От края туннеля до ближайшего горизонтальной поверхности внутри было около метра. Стараясь не угодить на торчащие обломки, я спрыгнул внутрь…

И полетел прямиком к противоположной стене отсека.

Твою мать! Да здесь невесомость! Очевидно, их генератор искусственной гравитации вырубился вместе со всей энергоустановкой.

Я ударился о стену и судорожно вцепился в какую-то решетку. С непривычки, меня слегка замутило. Представляю, каково было нашим космонавтам годами болтаться на легендарном «Мире». По сравнению с этим, у нас на «тарелке» практически санаторные условия. Не звездолет, а дом отдыха…

Пока я малость обвыкался, Лубенчиков хихикал и летал от одной стенки к другой.

– Здорово!

– Васька, перестань!

– Лёха! Это стоит двух штук баксов!

Вот балбес. Еще напорется на кусок искореженного металла. Скафандры-то у нас должны быть прочными – но какой предел у этой прочности? Когда их изобретали, никто не думал, что в них будет щеголять Лубенчиков.

Я снова окинул взглядом корабельный трюм. После того, что здесь произошло, сам чёрт не отыскал бы проход в отсеки экипажа. Да и освещения все таки недостаточно.

– Что собираетесь предпринять? – спросил Димыч.

– Пока не знаю. Жаль фонарик не захватили. Дополнительный свет бы не помешал.

Едва я произнес слово «свет», на противоположной стене, вспыхнуло яркое круглое пятно. Я чуть повернул голову. Пятно переместилось за взглядом.

Что ж, это удобнее фонарика! Раз ничего похожего на лампочку в моем костюме не имеется, значит дело в особом усилительном фильтре? Подозреваю, что сейчас даже кошка видела бы хуже меня.

– Лубенчиков! Скажи «свет»!

Васька от удивления слегка притормозил, ухватившись за обломок трубы.

– Ну… свет.

И тут же восхитился:

– Здорово придумано! Теперь не один осьминог не укроется!

Он радостно похлопал себя по рукоятке плазменного резака. Тьфу-ты… Похоже, он успел забыть, ради чего мы сюда прибыли.

– Васька! Мы ведь их не отстреливать явились. А спасать.

– Спасем. Не сомневайся. И даже если не захотят – все равно спасем!

В доказательство серьезности намерений, Лубенчиков сложил из пальцев волшебную комбинацию. Неожиданно яркий луч саданул по стене, оставив на ней крохотное, проплавленное пятнышко.

– Идиот! Ресурс скафандра не расходуй! – возмутился голос Димыча.

– Без паники! – отмахнулся Васька и завертел головой:

– Где же двери?

В безвоздушном пространстве между мной и Лубенчиковым вдруг возник мираж. Полупрозрачное схематичное изображение корабля-цилиндра. Спустя секунду, изображение увеличилось, выделился цветом центральный энергоотсек. Мираж начал стремительно расти, пока края его не слились с реальными стенками помещения. При этом, полупрозрачными фантомами повисли в воздухе какие-то плоскости, трубы, шары. То, что до взрыва, было стандартной начинкой отсека, а сейчас превратилось в неузнаваемую фантасмагорию искореженных обломков. Единственная более менее похожая деталь – толстенная колонна в центре. Но даже она покрылась трещинами, изогнувшись огромной дугой от «пола» до «потолка».

– Проход в отсеки экипажа здесь, – донесся голос Ленки и на «потолке» желтовато засветилось овальное пятно. Мы с Васькой радостно переглянулись. Здорово иметь такого проводника!

Я начал карабкался вверх, цепляясь за фрагменты уничтоженного оборудования, а Лубенчиков, сильнее оттолкнувшись, перелетел через отсек. Как будто он всю жизнь только делал, что готовился к полетам в невесомости.

Оказавшись рядом с пятном и ухватившись за какие-то выступы, мы тщательно изучили слегка неровную поверхность. Путь преграждала бесформенная металлическая нашлепка диаметром не меньше трех метров. Наверно, один из тех шаров, сорванный силой взрыва и буквально размазанный по стенке.

Васька ковырнул пальцем край нашлепки и взялся за рукоять плазменного резака:

– В качестве щадящей терапии, доктор рекомендует вскрытие!

Я не возражал.

Лубенчиков сдвинул предохранитель, ствол резака голубовато замерцал. Васька нажал кнопку-спуск, в металл ударил столб пламени и Лубенчиков, чертыхаясь, улетел в противоположный конец отсека.

– Уменьши мощность, балбес!

Пока он добирался назад, я сам взялся за дело. Покрутил колечко вокруг ствола, выставляя минимальную мощность и провел тонким белесо-голубым лучом вдоль контура прохода.

Ни малейшего эффекта. На металлической поверхности не осталось даже следа. Я прикусил губу от удивления. В том месте, куда саданул Васька, была только маленькая черная вмятина.

Хватит ли нам энергоэлементов?

Пока я размышлял, вмятина посветлела и разгладилась. Нашлепка обрела первозданный вид.

– Приказ не ясен, уточните, – отозвалась Ленка на вырвавшуюся у меня короткую фразу.

Невидимый Димыч хихикнул:

– Вы что там, уже с братьями по разуму общаетесь?

К первой фразе, я добавил вторую.

Встревоженный моим красноречием Васька прилетел назад.

– Что случилось? – спросил он, врезавшись в стенку и намертво вцепившись в обломки поручней.

Я объяснил.

Лубенчиков озадаченно сморщил лоб. Потом снова выставил резак на максимум и пальнул в злосчастную нашлепку.

Пока он совершал очередной полет, я любовался результатом. Черная вмятина получилась еще большей. Но спустя пару секунд, так же бесследно рассосалась. А я вдруг обнаружил, что нашлепка ощутимо выросла в толщину. Словно сосиска в кипятке.

Переключив инструмент на среднюю мощность, я направил луч на край загадочного бугорка. Секунд через десять, между бугорком и стеной появилась вполне заметная щель.

Лубенчиков тоже не терял времени и наловчился палить из резака прямо на лету, болтаясь туда сюда, между «полом» и «потолком». После четвертого васькиного выстрела что-то произошло. Нашлепка дёрнулась, разбухая на глазах. От неожиданности я выпустил опору. Меня унесло «вниз».

Неприятное ощущение – болтыхаться, как муха в тарелке с супом. Пытаешься дотянуться до совсем близкой трубы, а тебя относит назад. Законы механики в чистом виде. Думаю, в стационарных скафандрах что-то предусмотрено на случай невесомости. Какие-нибудь магнитные присоски. Умные существа все предусматривают. Это мы, дураки, сунулись в прозрачных костюмчиках.

– Лёха! – радостно завопил Васька, – *Оно* отлипает!

Терпение у меня кончилось – я снова включил резак, на этот раз в качестве реактивного двигателя и, кувыркаясь, полетел «вверх».

«Нашлепка» уже совсем не была нашлепкой. Бесформенный кусок металла у нас на глазах принимал форму здоровенного восьмигранника.

Чтобы ускорить процесс, Лубенчиков опять собрался выстрелить, но тут донесся громкий встревоженный голос Ленки:

– Внимание! Прекратить воздействие на объект! Предположительно – объект повышенной опасности. Выполняю идентификацию.

Васька в сомнении опустил инструмент. Хотя по лицу было видно, что особого впечатления слова Ленки не произвели. Пришлось почти силком буксировать Лубенчикова дальше от восьмигранника.

Загадочный объект тем временем достиг вполне правильной формы. Но до конца отлипать от стенки не собирался.

Спрятавшись за искореженную груду металла, мы наблюдали за ним с показавшегося мне безопасным расстояния.

– Ну и материал, – восхищался Васька, – Представляешь, если из такого наделать «запорожцев». Их же хоть «мерседесом», хоть «камазом» переезжай. Нагрел и машина опять целая! Здорово!

– Да уж… Сам вдребезги, а машина целая. Конечно, здорово…

– Тебе бы только критиковать, – недовольно поморщился Васька, – Лучше скажи, что делать будем?

Как будто я знал. Опять лезть к загадочному восьмиграннику не хотелось. Ведь совершенно непонятно, чего ждать от инопланетной техники.

– Так, – решительно заявил невидимый Капустин, – Я иду к вам.

– Еще чего, – возмутился Лубенчиков, – Сами справимся!

Выпустив обломок трубы, он оттолкнулся и полетел в сторону восьмигранника.

– Васька! Стой! – я попытался схватить его за ногу, но и сам утратил точку опоры.

– Э-э! – забеспокоился Димыч, – Без меня ничего не трогать.

– Да все будет нормально, – успокоил Васька. И пояснил безмятежно-назидательным тоном:

– Это ведь не бомба. Без энергии любая машина – куча металлолома.

Мне бы его уверенность.

– Не вздумай пользоваться резаком!

– Не буду, не буду. Просто хочу рассмотреть получше.

Мы уцепились за решетку, торчавшую из стены в трёх метрах от восьмигранника и Лубенчиков заметил:

– Остался совсем пустяк.

– Тебе ведь ясно сказали: прекратить воздействие!

– А разве это воздействие? Я ж не из пушки в него палить собираюсь! Оно еле держится. Потихонечку, аккуратно ковырнуть чем-нибудь. Ломом… или монтировкой…

Я огляделся по сторонам. Кажется, ничего подходящего нет. Да и сама идея мне не слишком нравилась.

– И чего мы не догадались с собой прихватить, – расстроился Васька, – Резаки взяли, а это забыли.

Да уж. Самый необходимый инструмент для спасательных работ в открытом космосе. Ломы и монтировки. Ещё неизвестно, бывают ли они вообще на «летающих тарелках». В уфологических журналах – об этом ни слова.

Конечно, можно попытаться найти в этом кошмаре сантехника ровный кусок трубы подходящей длины. Косо срезать плазменным лучом, чтобы глубже вошло в щель…

Нет! Не хочется мне трогать этот загадочный восьмигранник! Ленка зря болтать не станет. Вернёмся и установим нормальный шлюзовой переход в отсеки экипажа…

Я как раз собрался озвучить эту мысль, когда Лубенчиков начал перебираться по стене ближе к «объекту».

– Ты чего удумал?

– Ничего особенного.

– Внимание! – опять заговорил наш верный звездолет, – Объект идентифицирован!

Подозревая худшее, я начал перебираться следом за Лубенчиковым. Но не успел.

– Гипергенератор нестандартной конструкции! Избегать любого воздействия на объект!

В эту секунду, Васька с размаху долбанул ногой по восьмиграннику.

– Немедленно покинуть отсек! – почти заорал звездолет, – Опасность пространственных…

Утратив дар речи, я ошеломленно наблюдал, как под ликующий вопль Лубенчикова, гипергенератор отрывается от стены и летит в мою сторону.

Что-то вспыхнуло, погасло…

Наступила гробовая тишина и в отсеке стало значительно темнее.

Прийдя в себя и оглядевшись, я со злостью процедил:

– Ну что, допрыгался, космонавт недоделанный!

– А что такого? – удивился Васька. Потом взглянул по сторонам и прикусил язык. До него тоже дошло.

В окружающей обстановке, действительно, кое-что изменилось. Например, начисто изчезло отверстие, через которое мы попали внутрь чужого корабля. Причем, исчезло вместе с изрядным куском стены. Словно, кто-то очень аккуратно вырезал испорченную часть и заново всё склеил – да так, что совершенно невозможно определить место склейки.

Следующим неприятным открытием было отсутствие «пола» и, особенно, «потолка», вместе с вожделенным проходом в отсеки экипажа. Центральная колонна перестала быть центральной и, вдобавок, превратилась в причудливую фигуру из какой-нибудь не-евклидовой геометрии – расширявшимся к концам телом она плавно перетекала в изогнутые стены. Как будто корабль уиту поменял форму, превратившись из цилиндра в нечто шарообразное.

Мы болтались где-то вблизи центра этого шара. А совсем рядом с нами, медленно вращаясь вокруг оси и слабо светясь, парил злосчастный восьмигранник. Изредка по его поверхности проскакивали голубоватые разряды. Словно инопланетный феномен раздумывал, какую бы еще гадость нам преподнести.

– Лёха, – негромко заметил Лубенчиков, – А ведь мы в ловушке…

– Спасибо за пояснения, – скривился я.

Лубенчиков тоскливым взглядом окинул помещение и без особой надежды позвал:

– Лена… Леночка!

– И не надейся!

Я хмуро усмехнулся:

– Они нас не видят и не слышат.

Васька озадаченно потер лоб:

– Слушай, а что сделали эти осьминоги со своей посудиной?

Я рассерженно насупил брови: он что, издевается?

– Да это не *они*! Это ты сделал!

– Я-а? – искренне изумился Лубенчиков, – Да я ведь совсем слегка… Оно само.

– Вместо того, чтоб ногами махать, хоть иногда работал бы головой!

Васька обиделся, отвернулся и попробовал с помощью резака добраться до стены. Пролетел метр, но едва он выключил резак, неведомая сила плавно вернула его в исходное положение.

– Что за хреновина!

– Искривленное пространство, – вздохнул я, – Появилось что-то вроде силы тяжести.

Лубенчиков нахмурился, засопел, разглядывая причудливо изменившуюся, бывшую центральную колонну:

– Не нравится мне этот абстракционизьм. Надо рвать отсюда когти. Пока не поздно.

– Какая свежая мысль! – обрадовался я.

– Попытаемся проделать новую дырку.

– Внешние стены резаком не взять. Слишком толстые. Помнишь, Ленка показывала схему? А кроме внешних стен здесь ничего не осталось…

– А эта… колонна? Она ведь внутри полая. До самых отсеков экипажа.

– Можно попробовать… Только, врядли у неё материал слабее. Это ведь несущая конструкция.

Мы внимательно изучили покрытую трещинами поверхность и выбрали место, где трещины были глубже. Используя резаки в качестве реактивных движков, приблизились к средней части колонны и ухватились за сохранившиеся поручни.

– Диаметр отверстия сантиметров пятьдесят, работаем на средней мощности! – предупредил я.

Васька буркнул что-то невнятное.

Я оглянулся… и едва не выронил инструмент.

Головастый, распухший монстр таращил на меня здоровенные гляделки неправильной формы и разного размера: левый – раза в два больше правого.

Кроме этого чудища, никого поблизости не просматривалось.

– Ты кто такой? – уточнил я, на всякий случай удерживая палец на спусковой кнопке.

– А ты кто? – спросил монстр, направляя в мою сторону устройство, изогнутым раструбом похожее на мясорубку. Голос был какой-то странный, будто с заедающей кассеты на дрянном магнитофоне. Правда отдельные знакомые интонации можно было различить.

– Ва…Васька?! – изумился я и упавшим голосом спросил, – Что с тобой случилось?

– Со мной? – удивилось чудище и кошмарно ухмыльнулось, – Ты на себя глянь.

Я посмотрел. Вроде, всё в порядке. Правда, левая нога оказалась толще и сантиметров на десять короче правой. Но в любом случае, это была мелочь. По сравнению с тем, что произошло с Васькой.

Решительно отбросив страхи, я начал карабкаться по колонне к моему несчастному товарищу. И с удивлением, обнаружил, что вблизи Лубенчиков имеет куда более гуманоидный вид. Он удивился не меньше:

– Слушай…а ты вроде опять нормально выглядишь? – голос был вполне васькин.

Тут до меня дошло.

– Это всё пространственные искажения!

– А почему там было нормально? – махнул он рукой в сторону восьмигранника.

– Просто у краев это проявляется сильнее.

– Ну да?

– Обычно, такие мощные искажения бывают в очень сильных гравитационных полях. Например, вблизи поверхности черных дыр.

Васька снова оглянулся на восьмигранник:

– На дыру не похоже.

– Да и вообще всё не так. Неправильно! И гравитация слабая, и мы ничего не чувствуем. А ведь при этих искажениях, нас не то, что на куски… На молекулы должно было разорвать!

– Ты не расстраивайся, – успокоил меня Васька, – Думаю, всё еще впереди.

Больше не тратя времени на разговоры, мы опять взялись за дело. И обнаружили новую неправильность. Вместо тонких, ослепительно ярких лучей плазмы, наш инструмент производил длинные языки – вроде тех, что вырываются из разрегулированных газовых зажигалок. По материалу они скользили без малейших последствий. Все равно, что плавить чугун с помощью спичек.

Мы выставили резаки на полную мощность. Только это не помогло. А спустя минут двадцать у Лубенчикова сел энергоэлемент. Он вставил запасной, но продолжать не стал.

– Бесполезно.

Я не спорил. Прилепил резак на пояс и сказал:

– Наверное, Димыч с Ленкой пытаются сейчас до нас добраться.

– Конечно, пытаются.

Мы снова замолчали. А я подумал: сможет ли Ленка пробиться через это искаженное пространство?

До момента самораспада наших скафандров было меньше девяти часов. Но думать об этом совершенно не хотелось.

Глава 10

Около часа мы не предпринимали активных действий. Просто лазили по отсеку, держась на порядочном расстоянии от восьмигранника. Изучали искореженные остатки оборудования и пытались, если не понять, то хотя бы вообразить, как это всё работало. Конечно, не самое разумное занятие. Как, если бы древние египтяне пытались разобраться в устройстве взорванного «жигуленка».

Единственное, что мы установили – эпицентр взрыва находился где-то в районе исчезнувшей дыры.

– Это их снаружи чем-то долбануло! – заметил Васька, – Например, метеоритом.

Я оглянулся по сторонам и почесал затылок левой рукой (правая – держалась за торчавшую из колонны гнутую арматурину):

– Может и метеоритом. Причем на порядочной скорости. Иначе не было бы такого взрыва.

– Если только метеорит был не из тротила, – хмыкнул Лубенчиков.

– Скажи еще из гексогена. И по-моему, в космосе оно взрываться не станет.

– Станет. Но слабее, – уверенно заявил Васька, – Полтонны, думаю, хватило бы.

Я удивленно заморгал. Интересно, откуда такие глубокие познания?

– Лубенчиков, а ты, часом, поезда под откос не пускал?

– Не-а… Только «шестисотые» мерседесы.

Окинул меня ироничным взглядом. И более серьезно добавил:

– Знаешь, Лёха. Учитывая здешние разборки – метеориты не причем… Думаю, кто-то сильно не любит этих красавцев уиту.

Тут я был согласен. Метеориты из взрывчатки – гипотеза интересная. Но куда более вероятно, что корабль-цилиндр атаковали. А судя по заделанным на скорую руку пробоинам, осьминогам удалось уйти от врагов и заняться ремонтом.

Хотя, врядли они ушли далеко – с едва не полностью разрушенной энергоустановкой…

Я кашлянул:

– Вполне возможно, кое-кто успел побывать здесь… до нас.

– Ага, – согласился Васька, – Тогда от осьминогов мало что осталось.

– В лучшем случае. В худшем – «любители» моллюсков еще шатаются где-то поблизости. Будет сложно наладить с ними отношения. Кажется, у Ленки нет инструмента, способного проделывать в звездолетах такие же дырки.

– Не каркай! – поморщился Лубенчиков.

Ух ты, какой суеверный! А футболить, почем зря, инопланетные артефакты – разве, не дурная примета?

Минуты тянулись отвратительно долго.

Спустя еще один час, мы сильно поумнели. Окончательно осознали, как это неразумно с бухты-барахты лезть на чужой корабль. Помощи не было. И главное, не было ни малейших признаков, что кто-то пытается пробиться к нам на выручку.

За это время мы успели припомнить все, хотя бы отдаленно, похожие ситуации из книжек и фильмов. Но так и не смогли определиться – светит нам что-то хорошее или нет. Выходило где-то «пятьдесят на пятьдесят».

Если только книжки не врут.

Первым лопнуло терпение у Лубенчикова. Он добрался до внешней стены и врубил резак на полную мощность.

– Стена слишком толстая, – заметил я, – Это еще труднее, чем сделать дырку в колонне.

– Зато искажения меньше, – объяснил Васька.

Я повис рядом, включил инструмент и понял, что Лубенчиков выдает желаемое за действительное. Вместо сфокусированного луча – такое же бледноватое длинное пламя. Просто Ваське надоело сидеть без дела, ожидая неизвестности.

Ну и ладно. Хоть что-то похожее на осмысленную деятельность. Даже, если мы без толку посадим энергоэлементы, хуже не будет.

Всё и так, хуже некуда.

Спустя минут сорок у Васьки выдохся очередной энергоэлемент. Остался последний. У меня – на один больше. На стене красовался результат наших титанических усилий – едва намеченный контур отверстия. Углубиться в металл удалось максимум на два-три миллиметра. Если толщина стен здесь такая же, как в районе пробоины, оставалось ещё каких-нибудь сто двадцать миллиметров.

Васька перезарядил резак и тоскливо поморщился:

– Надоело. Чувствую, себя килькой в банке. Килькой у которой вот-вот закончится срок годности.

Он взглянул на люминисцентный циферблат часов, неумолимо просвечивавший сквозь скафандр.

– До момента «П» осталось чуть больше шести часов.

– Почему это «П»? – не сообразил я.

– Догадайся с трех раз.

– А-а… Действительно. Полный «П».

Васька отпустил опору и медленно поплыл в сторону восьмигранника.

– В принципе, если б здесь был кислород… я может не так бы переживал…

– По-моему он здесь есть, – указал я на кое-где запорошенные инеем стены.

– Не впечатляет, – констатировал Лубенчиков, – Маловато.

– Даже, если б было больше – врядли помогло, – сказал я, выпуская поручень и проплывая вслед Ваське.

– Почему?

– Ты умеешь дышать твердым кислородом?

– Ну… можно разогреть.

– А ты умеешь дышать жидким? Это тебе не суп подогревать! Здесь почти абсолютный нуль – минус двести семьдесят три. И огромная масса. Всей нашей энергии – и в костюмах, в резаках – не хватит, чтобы повысить температуру хотя б на десяток градусов. Да и давление… Я бы сказал, что давление здесь низковатое…

– Плохо быть таким умным, – вздохнул Лубенчиков, – Дуракам всегда есть на что надеяться.

Он покосился на вспыхиваший искрами, вращающийся восьмигранник и процедил сквозь зубы:

– Чертов металлолом!

Я невесело хмыкнул:

– Ну, это ты загнул. Из-за металлолома – не пришлось бы здесь торчать…

Последовала пауза. Мы переглянулись. Похоже, нас осенила одна и та же мысль.

– Попробуем? – спросил Васька.

Я облизал губы. Часа четыре уже прошло. За это время Ленка обязательно что-нибудь сделала бы. Если бы могла. А судя по тому, как работают в искаженном пространстве резаки – надеяться не стоит.

Пока функционирует этот чёртов гипергенератор…

– Можно попытаться, – еще сомневаясь, кивнул я. И вдруг вспомнил яркую картинку из голливудского фильма – разорванные скафандры и взрывающиеся в космическом вакууме тела космонавтов. Когда наступит момент «П» и наши костюмчики самораспадутся, зрелище будет впечатляющее…

Я поежился и добавил куда увереннее:

– Надо попробовать!

Для начала, мы снова внимательно осмотрели восьмигранник. Совершенная гладкая, однородная металлическая поверхность, без малейших намеков на выключатель. Никаких проводов, никакого внешнего энергоснабжения.

Что ж. Выбора не оставалось. Если техника не понимает по-хорошему, к технике применяют грубую физическую силу.

Следуя этому принципу, кое-как мы отпилили длинный кусок трубы. К счастью, он торчал на таком расстоянии от стены, что наш инструмент еще можно было использовать.

Запустили отпиленной трубой в восьмигранник и быстро нырнули за обломки оборудования.

Ничего не произошло. Мы выглянули из укрытия. Труба плавала рядом с гипергенератором. Слегка обнаглев, мы нарезали из имевшегося металла еще штук семь кусков поменьше. Васька притащил назад плававшую среди отсека трубу и начал тренироваться в космической лапте (или бейсболе?). Один раз он промазал, но остальные удары достигли цели.

Без особых последствий. Лишь голубоватые искры на поверхности восьмигранника стали вспыхивать ярче, да чуть ускорилось вращение.

– Не идет дело… – вздохнул Васька, – Может опять попробовать ногой? Может эти гипергенераторы только так и выключают?

– Погоди, – отмахнулся я, – Твоя нога – наш стратегический резерв. А пока…

Я подплыл к восьмиграннику и нажал спусковую кнопку резака. Тонкий луч бил здесь в полную мощность, так что меня отнесло к стене. Васька немедленно принял эстафету. Причем так рьяно, что минут через пять у него сел последний энергоэлемент.

Я продолжил один и, с радостью, отметил, что торцевая поверхность восьмигранника начинает деформироваться под моим лучом.

– Лёха! – вдруг выпалил Лубенчиков.

– Чего?

– Посмотри!

Я проследил куда указывает трясущаяся васькина рука и оцепенел.

Теперь мы были не в центре шара, а посредине трубы. Уходившей в бесконечность – вверху над головой и внизу под ногами. А еще в этой бесконечности, было бесконечное число вращающихся восьмигранников и возле каждого – пара фигур с глупо вытаращенными глазами. Где-то там, в невообразимой дали, и фигурки и восьмигранники сливались в едва различимые точки.

– Похоже на мираж, – успокоил я Лубенчикова и помахал рукой. Половина фигурок начала повторять движение. Правда, с некоторым отставанием. Чем дальше от меня, тем с большей задержкой. Крохотные двойники, метров за сто вверх и вниз, даже спустя минуту еще и не думали двигаться.

– Странноватый мираж. Но, по крайней мере, уже что-то происходит, – с оптимизмом заметил я. И продолжил дело.

Васька посильнее оттолкнулся и полетел вверх. Любопытно ему.

Тем временем, поверхность гипергенератора начала ярко светиться под лучом моего резака. Раньше я старался бы оказаться как можно дальше от порождения чужого разума. Но

сейчас мне уже было наплевать. Я таки добью, добью эту проклятую штуковину! Древнему египтянину вполне по силам угробить «жигуленок», значит и у меня должно получиться!

– Ни хрена себе! – заорал Лубенчиков, прилетая назад.

Я вздрогнул. Откуда-то появилось эхо. Только какое-то странное:

– Ни фига себе!

– Охренеть!

– Обалдеть!

– Полный отпад!

И что-то еще, неразличимое в сплошном гуле одинаковых васькиных голосов.

Я повернул голову.

– Лёха! – вполголоса пробормотал Лубенчиков, – Это не отражения, понимаешь. Они все настоящие!

Я посмотрел вверх и вниз. Замахал рукой. Никто из моих двойников и не думал повторять. А ближайший сверху покрутил пальцем у виска.

Ой! Впору припоминать советы знакомого санитара. Я закрыл глаза и затряс головой.

– Ты чего? – обеспокоился Лубенчиков.

– Васька, по-моему этот сверху прав, – выдавил я, проглатывая комок в горле, – По моему, у нас крыша съехала.

– Никуда она не съехала! – возмутился он, – Дальше, чем есть, съезжать некуда!

И погрозил вверх кулаком. В ответ, его двойник согнул руку в локте, показывая неприличный жест.

– Придурок!

– Сам придурок!

– Я тебе репу начищу!

– А я тебя по стенке размажу! Легче будет закрасить, чем отодрать!

– Да заткнитесь вы все! – вежливо предложил я.

Остальные Лёхи закивали, выражая полную солидарность.

– Что предлагаешь? – хмуро поинтересовался ближайший ко мне Васька.

– Продолжать, что ж еще?! – буркнул я, снова врубая инструмент на полную мощность. Если удастся угробить гипергенератор, всё само собой должно стать на место. По-крайней мере, хочется в это верить. Ни я, ни Вселенная не выдержат Лубенчиковых в количестве больше одного!

Восьмигранник вращался всё быстрее, словно подпитываясь энергией от моего резака. Продолжая работать, я скосил глаза на Ваську и поинтересовался:

– Что делают остальные?

Он пожал плечами:

– То же самое. Лёхи работают, а эти идиоты торчат рядом и глазеют друг на друга.

Какая самокритичность!

Поверхность гипергенератора дрожала и выгибалась под моим лучом, словно пытаясь избавиться от обжигающего прикосновения плазмы. Похоже, штуковина готова была капитулировать. Но, когда я уже поверил в успех, у меня сел последний энергоэлемент.

И тогда я сделал то, что, наверное, не должен был. Схватил болтавшийся рядом кусок трубы и с размаху ударил по восьмиграннику.

Труба прошла насквозь!

Не веря своим глазам, я ударил еще, и еще… По граням гипергенератора бежала рябь, словно я бил по жидкости, а не по поверхности металла, сохранявшей геометрически четкие очертания. Труба проходила, словно через какую-то вязкую, но податливую массу.

– Дьявольщина…

– Лёха! – сдавленно забормотал рядом неузнаваемый голос, – Лёха, мы опять меняемся! Всё меняется!

Я оглянулся и едва не сплюнул в сердцах:

– Ну и рожа у тебя, Лубенчиков!

– Ты своей не видел!

И вправду, хотя собственного лица я видеть не мог, то что можно было разглядеть, меня не радовало. Руки еще так себе, но ноги… Одна – тонкая, словно у страуса, рахитично изогнутая. Вторая – напоминала конечность слона-инвалида, которую где-то в африканских саваннах злобные браконьеры переехали на танке.

Окружающая действительность тоже не лучше.

Даже Сальватор Дали окончательно свихнулся бы от таких сильных впечатлений, а Джим Моррисон немедленно умер от передозировки. Узнать здесь первоначальный замысел создателей корабля-цилиндра было уже совершенно невозможно.

Фантасмагория кривых поверхностей, невообразимо пересекавшихся под невообразимыми углами и где-то, отдельными вкраплениями среди этого буйства материи – высокохудожественно-уродливые фигурки наших двойников. Которые, впрочем, перестали быть двойниками, приобретя под рукой неизвестного мастера такие яркие черты индивидуальности, что волосы вставали дыбом!

– Лёха, может мы слегка погорячились? – спросил дрожащим хриплым басом монстр-Лубенчиков.

– Теперь, уж точно, отступать некуда! – вздохнул я и начал помешивать обрезком трубы внутри восьмигранника, словно в кастрюльке с пригорающей кашей.

Васька схватил кошмарными куцефалками один из вырезанных раньше кусков труб, и последовал моему примеру. Голубоватые искры всё гуще, всё более угрожающе змеились на поверхности гипергенератора, но мы не останавливались.

С каждой секундой двигаться было труднее, словно само пространство загустевало в желе.

– Врешь, не возьмешь! – утробно ревело чудище, ничем уже не напоминавшее прежнего Лубенчикова.

– Не возьмешь, – шептал я, словно заклинание, – Не возьмешь… не возьмешь…

Каждый вдох и выдох теперь требовали усилий, будто и воздух в наших скафандрах начинал превращаться в почти ощутимо вязкую субстанцию. Но я не останавливался. Судорожно хватая отяжелелый воздух, я поднимал глаза и видел, как сотни наших товарищей по несчастью тоже не прекращают орудовать кривыми кусками металла, доводя до неистовства сотни сверкающих восьмигранников.

Мы с Васькой не одни. И пусть пространство обрушится, распадется на хаос виртуальных частиц, но мы не сдадимся. В конце концов, лучше рассыпаться на виртуальные частицы, чем жить с такой душераздирающе кошмарной рожей, как у ближайшего ко мне Лубенчикова.

И пространство действительно не выдержало. Завращалось, постепенно захватывая нас, словно мух в тарелке с медом. Всё быстрее и быстрее. До головокружения, до темной мути перед глазами… А потом взорвалось вспышкой разноцветного, ослепляющего пламени.

2. Райское место

Глава 1

Иногда мне снятся дурацкие сны.

Настолько нелепые, что, ещё не проснувшись, можно сказать: «Чепуха!»

Будто за две тысячи баксов мы с Димычем и Васькой купили летающую тарелку. Улетели в космос. А потом сдуру полезли на чужой звездолёт…

Лубенчиков размножился в десятках экземпляров. И эти псевдо-Васьки принялись мутузить друг-друга, выясняя кто же из них – настоящий…

Крик, шум… Два ближайших Лубенчикова сцепились и оба орут: «Лёха! Подтверди!»

«Подтверждаю.»

Оба радостно принимают это на свой счёт.

А мне пора просыпаться.

Открываю глаза.

Что-то не так. Где я?

Кругом туман. Вместо постели подо мной – мягкая травка.

Кто-то заворочался рядом. Я сел.

И помятое лицо развернулось в мою сторону. Васька Лубенчиков захлопал ресницами, страдальчески вздохнул:

– Лёха… Сколько же мы вчера выпили?

Я оглянулся по сторонам:

– Много… Наверное, много…

Понятия не имею, где мы находимся.

Сквозь плотную белёсую пелену – какие-то кусты… Это что же, мы в городском парке ночевали?

Я встал, пошатываясь и отряхнул штаны. Ощупал карманы – документы и проездной на месте. Уже хорошо.

Васька смотрел на меня снизу вверх и тихо постанывал:

– Всегда так бывает, Лёха… Если употребляешь качественный продукт – и сам как огурчик… Слушай, а может закуска была несвежая?

– Ага. Выпили пять бутылок – и ничего. А потом – сильно отравились овсяным печеньем.

Лубенчиков тоскливо шмыгнул носом.

На самом деле, я совсем не помню сколько мы выпили. Вообще, ни хрена… Один бред в голове. Летающая тарелка за две штуки баксов…

– Вставай, Васёк. Простудишься.

– А где Димыч?

– Наверное, где-то в ближайших кустах отдыхает.

– Пойдём искать.

Лубенчиков принял вертикальное положение. Мы заковыляли сквозь туман.

– Знаешь, – пробормотал Васька, – Наверное, мне пора завязывать. Такие глюки ви… видел.

На последнем слове он заикнулся. Потому что из белой пелены вдруг выросла цилиндрическая, лежавшая на боку громадина. Звездолёт расы уиту. Оранжевых в крапинку осьминогов.

– Лё… Лёха, – испуганнно выдавил Васька, хватая меня за плечо, – Кажется, у меня опять…

– Ничего страшного. У меня – тоже…

Целую минуту мы стояли, разглядывая инопланетный корабль. Потом к Лубенчикову вернулся дар речи. И первые слова, которые он заново освоил, были:

– ……!

А как же иначе передать охватившие нас чувства?

Реальность и бред вдруг поменялись местами.

Мы обошли металлическую громадину кругом. Несколько раз.

Ещё не веря глазам, Васька дотронулся до корпуса звездолёта. Испуганно отдёрнул руку:

– Тёплый!

Неудивительно. Если он упал сюда из космоса – вообще должен был раскалиться… Или даже сгореть? Двигатели-то у него точно не работали!

В голове у меня начало проясняться:

– Слушай, Васёк, мы ведь были внутри, да? А теперь снаружи?

Лубенчиков сморщил лоб. Только этот парадокс и ему был не по силам.

– А какая разница, Лёха! Главное – мы на Земле!

Я почесал затылок.

Туман всё ещё был плотный. Видимость – не больше десятка метров. Но и травка, и кусты – правильного зелёного цвета. А ещё – легко дышится. В воздухе чудятся какие-то полузнакомые ароматы.

Мы – дома?

Дома!

Значит, гиперпрыжок?.. Но как Ленке удалось вспомнить координаты? С её-то склеротичной памятью?

Или дуракам везёт?

Я покосился на Ваську.

Он мои сомнения проигнорировал. Лубенчиков уже с хозяйским видом рассматривал звездолёт уиту:

– Та-ак! Это даже хорошо вышло! За две штуки баксов – два корабля… Здесь можно подлатать… Здесь подрихтовать. Будет как новенький! Лёха, даже на одной этой колымаге можно озолотиться! А «тарелочку» – себе оставим! Будем каждые выходные на море гонять…

– Все равно отнимут…

– Кто? – встрепенулся Лубенчиков.

– Государство. А нас посадят. За контрабанду этих… биб… бибрикоксов.

– Чего? Каких ещё?..

– Тех, что у нас в грузовом отсеке. Можно ещё за угон транспортного средства.

– Эта была честная сделка!

– Ну, тогда за незаконный оборот валюты, – я зевнул.

Васька нахмурился. И процедил:

– Все равно Ленка только нас слушается!

– Кстати, а где она?

Лубенчиков оцепенел, уставившись на меня, словно бандерлог на длинного друга Маугли.

Потом он побледнел.

А я прикусил язык. Два идиота… О чём болтаем! Мы ведь до сих пор и понятия не имеем, что с «тарелкой». И что с Капустиным?!..

– Дима! – робко позвал Васька, – Димыч! Ты где?

Белёсая пелена хранила молчание.

Двинувшись в разные стороны, мы обследовали местность. Постепенно увеличивая зону поисков.

– Лена! Леночка! Ау! – звенел из тумана васькин голос.

– Ау! – вторил ему я.

Это не может быть слишком далеко.

Перед глазами маячит яркая картина – два звездолёта среди враждебной черноты. Сколько их разделяло? Метров пятьдесят, не больше…

Минута тянулась за минутой. Я слышал голос Лубенчикова. Всё более хриплый…

Вокруг нас – только редкий кустарник и трава.

Никаких намеков на «тарелку».

Никаких следов Капустина.

– Дима! – во всю глотку орал Лубенчиков.

– Димыч! – надрывался я.

Хруст сухой ветки под моей ногой. И опять тишина. Молчание.

Мы сошлись. Хмуро переглянулись.

– Пропал, – вздохнул Лубенчиков.

– Исчез, – мрачно кивнул я.

Васька шмыгнул носом.

– Знаешь, – сказал я, – Если бы он… если бы корабль разбился – осталась воронка… Да. А может и пожар. Как от Тунгусского метеорита.

– Наверное.

– Значит, всё не так плохо. Раз мы на Земле – Ленке удалось вспомнить координаты. И вырваться из Тёмной Области… Может даже, мы сами помогли ей.

– Ты думаешь?

– Что-то же мы сделали с ихним гадским гипергенератором. Внесли дополнительные искажения. Поэтому Димыча могло перебросить куда-нибудь… в сторону…

Мы опустились на траву.

Космос… Звезды… Будто дурной сон.

Как мы его маме объясним? Дима – Димыч… Ты был самым хитроумным из нас. Самым осторожным.

– Ладно, – махнул я рукой, – Не стоит переживать раньше времени. Если он на Земле – обязательно даст знать.

– Даст, – невесело согласился Лубенчиков.

Ухмыляющаяся физиономия друга всплыла в памяти.

Я замотал головой:

– Не может быть, чтобы Димыч да не выкрутился! Помнишь, тот случай с налоговой?

– Ага, – тоже просветлел Васька, – По сравнению с этим, любые гипереперехоры – тьфу…

Мы вспомнили ещё несколько историй из биографии Димы. И на душе полегчало.

Решили вернуться к осьминожьему звёздолёту.

Удалось это не сразу.

Поиски завели нас довольно далеко. А проклятый туман и не думал рассеиваться.

На однообразной местности не было ориентиров. Травка – чистенькая, ни бутылок, ни окурков… Нас явно забросило куда-то в сторону от очагов цивилизации.

Что-то пёстрое мелькнуло под ногами. Я наклонился.

Вот и первые признаки культуры. «Неповторимый устойчивый вкус»– написано на упаковке презерватива.

– Какой-то извращенец потерял, – усмехнулся я. А Лубенчиков вдруг покраснел и торопливо сунул находку в карман:

– Так… На всякий случай…

– Какой ещё случай?

Васька пробурчал невнятное. Но я уже не обращал внимания. Из белой мглы явственно проступил тёмный силуэт.

– Корабль!

Мы двинулись вперёд. И не дойдя десятка шагов, замерли. Там, в полупрозрачной пелене что-то шевельнулось. Неясное, тёмное…

Васька выругался хриплым шёпотом:

– Вот, уроды…

– Кто?

– Охотники за металлом, ясное дело… Пока мы с тобой гуляли – небось половину артефактов успели свинтить!

Мы прислушались. Доносился слабый скрежет.

– Гады, – констатировал Васька и решительно направился к звездолёту. Я не отставал.

– Ни с места! Милиция! – рявкнул Лубенчиков, приближаясь к кораблю, – На землю! Руки за голову!

Я поёжился. У Васьки – явно актёрские способности. Ещё чуть-чуть и даже мне станут мерещиться фуражки в тумане…

Что-то тяжёлое звякнуло и затихло.

– Васька, – шепнул я, – А ты уверен?..

Опять раздался слабый скрежет. Откуда-то по ту сторону громадного корпуса.

– Ну, наглые, – поразился Лубенчиков, – Давай обойдём их… ты – слева, а я – справа.

– Давай, – вяло кивнул я. И оглянулся в поисках чего-то убедительно-весомого. Ничего подходящего рядом не было. Пришлось ограничиться суровым выражением лица.

Тщательно сохраняя это выражение, я обошёл торец звездолёта. Высунул голову. Никого.

Выждав секунду, я вслушался.

Скрежет затих. И я двинулся вперёд. Сильно жалея, что у меня нет при себе плазменного резака. Хотя бы даже с севшими энергоэлементами.

Эта белёсая пелена уже начинает действовать мне на нервы…

Впереди замаячила фигура. Я напрягся и сразу успокоился.

Всего лишь Лубенчиков.

На васькиной физиономии читалось несвойственное ему интеллектуальное усилие. Лубенчиков стоял рядом с открытым люком в корпусе звездолёта. Раньше всё точно было закрыто.

Я подошёл. Васька выразительным жестом приложил палец к губам. Указал в сторону люка.

Я кивнул, внутренне холодея. Лубенчиков вскарабкался и исчез внутри. Я вскарабкался следом. В узком тамбуре было темно. Вдобавок широкая васькина спина почти полностью его перекрывала.

Внутри чем-то воняло. Чем-то явно неземным. Может быть дохлыми оранжевыми осьминогами. Или инопланетными носками…

Коридорчик резко изгибался. Из-за поворота лился слабый свет. Васька шагнул вперёд. Замешкался. Я высунул голову из-за его плеча.

В следующий миг мы оба оцепенели.

А ещё через мгновенье свет погас. И спотыкаясь друг о друга, мы бросились к выходу.

– Что это было? – спросил Васька, переводя дух метров через пятьдесят.

– Откуда я знаю… На охотника за металлом он точно непохож!

Я видел кошмарную физиономию лишь долю секунды. Зато она чётко отпечаталась у меня в памяти.

Голубоватая кожа с синюшными пятнами. В дико-вытаращенных зрачках – бешеная ярость. Из приоткрытого рта выглядывают массивные клыки. Гармоничным обрамлением – вздыбленная коричневая шерсть. Бр-р-р…

Остальное – скрыто темнотой. И всё же мы успели понять, что чудище – громадных размеров.

– Я такое… только в кино… – поёжился Васька.

– Оборотень?

– Ага… Или вампир… тоже синенький.

– Вампиры бреются. А у этого – щетина.

Какое-то время мы сидели тихо, обдумывая ситуацию. В придачу к чужому звездолёту – редкий экземпляр фауны. Агенты Малдер и Скалли, наверное, были б в экстазе… Только мы – люди простые…

– И откуда он взялся на нашу голову?

– Слушай, – встрепенулся Васька, – А может всё к лучшему?

– В смысле?

– Этот корабль – настоящее сокровище! Бабок за него отвалят – немерено! А как в древности охраняли сокровища?

– Откуда я знаю… Ментов ставили на каждом углу.

– Дубина! В комнату с золотом сажали громадную змеюку. Или некормленного тигра!

– Бедный тигр…

– Зато сокровища были целёхонькие!

– Ты кое-что упустил, Васёк… Наш монстр – существо свободное. И с какой стати он будет торчать рядом с кораблём?

Лубенчиков не сдавался:

– Ну… Мы могли бы его прикормить…

– Зелёной травкой?

– Сбегаем в деревню за колбасой! А пока – пусть сидит под замком!

Что мне нравится в Ваське – оптимизм. Я кашлянул:

– Интересно, а кто открыл тот чёртов люк?

Лубенчиков насупился. Во всех его предыдущих рассуждениях зияла неустранимая логическая дыра.

– Ты… Ты думаешь, мы здесь не одни?

Я промолчал. И поёжившись, окинул взглядом белёсую пелену, окружавшую нас со всех сторон.

В нынешней ситуации было два выхода. Первый – используя погодные условия, оказаться, как можно дальше отсюда. То есть, грубо говоря, смыться. Выход – самый простой. Но для нас, людей испытанной храбрости, конечно унизительный.

Не бросать же честно заработанные баксы!

Поэтому мы решили действовать иначе.

Туман – наш союзник. Мы с Васькой переползали от одного куста до другого. И неумолимо сокращали дистанцию до противника.

Штаны и рубашки стали влажными от росы. Зато мы опять оказались вблизи корабля-цилиндра. А главное, враг понятия не имел, что теперь мы следим за каждым его шагом.

Я затаил дыхание. Из-за нашего куста открытый люк прекрасно был виден. От собственного бесстрашия перехватывало дух. И мурашки ползли по коже.

Кто-то там, внутри, опять лязгнул по металлу.

Васька прикусил губу. Он искренне переживал за сохранность звездолёта уиту. Как если, это был его собственный жигулёнок.

В отверстии замаячил силуэт. И наружу показался диковинный раструб.

Через секунду, следом возникла человекообразная физиономия. Знакомого голубоватого оттенка.

Васька приоткрыл рот.

Обросший коричневой шерстью «монстр» уселся на краю люка и опасливо огляделся по сторонам. Одет он был в ярко-зелёные шорты. В мускулистых лапах (руках?) сжимал длинную, расширяющуюся к концу штуковину.

Неужели от него мы драпали?

«Чудище» нервно шевелило пальцами на босых ступнях. Единственной, кроме лица и ладоней, части тела, не покрытой мехом. Росту в инопланетнике было от силы метр шестьдесят.

Васька беззвучно выругался.

«Монстр» нас пока не замечал.

Но оскорблённое достоинство закипало в Лубенчикове. И следующее словечко вырвалось у него вслух.

– ……!

«Чудище» вздрогнуло от неожиданности и едва не свалилось наружу. Перекувыркнувшись, исчезло внутри корабля.

– Вылазь, хоббит недоделанный! – заорал Лубенчиков, вставая с травы, – Поговорим как мужчина с мужчиной!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.